

Леонид Андреев

Собачий вальс

Леонид Николаевич Андреев

Собачий вальс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805795

Аннотация

«За стеной поют песенку маляры. Песенка тихая, без слов, монотонная.

У письменного стола Генриха Тиле сидит его брат Карл, студент. Квартира новая, еще не вполне отделанная, и комната, в которой находится Карл Тиле, также не закончена. По назначению это гостиная, и уже в соответствующем строгом порядке расставлена новенькая мебель: кресла, полукресла, круглый стол перед диваном, овальное зеркало; но нет ковров, нет драпри и картин. И стоит посередине небольшой стол, накрытый для обеда. Все в комнате угловато, холодно, безжизненно – жизнь еще не начиналась. Слишком сильно блестит новенький рояль, но на пюпитре уже разложены ноты. Карл Тиле один; возится у стола с отмычкой...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Действие второе	30
Действие третье	54
Картина первая	54
Картина вторая	67
Действие четвертое	82

**Леонид Николаевич
Андреев
Собачий вальс
Поэма одиночества**

Действующие лица

Генрих Тиле.

Карл Тиле.

Елизавета.

Александров, по прозвищу Феклуша.

Счастливая Женя.

Тизенгаузен Андрей Андреевич.

Ермолаев Дмитрий Иванович.

Иван, лакей.

Маляры.

Четыре действия; в третьем действии две картины.

Действие первое

За стеной поют песенку маляры. Песенка тихая, без слов, монотонная.

У письменного стола Генриха Тиле сидит его брат Карл, студент. Квартира новая, еще не вполне отделанная, и комната, в которой находится Карл Тиле, также не закончена. По назначению это гостиная, и уже в соответствующем строгом порядке расставлена новенькая мебель: кресла, полукресла, круглый стол перед диваном, овальное зеркало; но нет ковров, нет драпри и картин. И стоит посередине небольшой стол, накрытый для обеда. Все в комнате угловато, холодно, безжизненно – жизнь еще не начиналась. Слишком сильно блестит новенький рояль, но на пюпитре уже разложены ноты. Карл Тиле один; возится у стола с отмычкой.

Карл. *Маляры поют. (Легким свистом вторит тихой песенке без слов. Затем негромко ударяет ладонью по столу и произносит:)* – Так. *(И еще два раза через равные промежутки сосредоточенно ударяет ладонью по столу, произнося:)* Так. – Так. *(После некоторой паузы:)* Вот я сейчас открыл отмычкой стол у брата Генриха, искал денег, чтобы взять. Но на-

шел только двадцать пять рублей. Этого мало. *(И снова равномерно и сосредоточенно ударяет ладонью:)* Так. – Так. – Так. – Интересно: знает ли брат мой Генрих, – Генрих Тиле, – что я шулер, живу игрой, краду – ищу женщину, чтобы поступить к ней на содержание? Нет, не знает. Он не умный человек, брат мой Генрих. Нет. Нет. Теперь он подумает, что двадцать пять рублей украли маляры, или ничего не заметит, подумает, что ошибся. Брат Карл! – говорит он. – Брат Карл! Так. А мог бы я – если бы у Генриха были большие деньги, о, очень большие, конечно! – и если бы можно незаметно, о, незаметно, конечно! – мог бы я убить Генриха, брата моего Генриха Тиле? – Надо пройти по комнате. *(Встает и два раза проходит по комнате взад и вперед: длинный, прямой, в длинном студенческом сюртуке, широко и деревянно висящем на выдавшихся лопатках. Гладко причесанную, лоснящуюся голову подпирает непомерно высокий темно-синий воротник. Лицо Карла сухо, несколько сурово, правильно и строго прилично. Снова садится у стола и трижды ударяет ладонью, произнося:)* Так. – Так. – Так. – Маляры поют. Печальная песенка. Нет, тихая песенка. Я шулер, но я люблю печальное, а у брата Генриха нет вкуса, он бездарен. И новая квартира его ужасна. И есть в ней что-то, что располагает к преступлению. Маляры поют.

Слегка подсвистывает песенке. Слышит стук дверей в прихожей, голоса и, встав неторопливо, теми же прямыми шагами прохаживается по комнате. Входят: Генрих Тилей его сослуживцы – Ермолаев, Дмитрий Иванович, кряжистый человек русской складки, с большой бородой, и Тизенгаузен, Андрей Андреевич. Позади всех, счастливо и смущенно улыбаясь, идет Феклуша – таково его прозвище – товарищ Генриха Тиле по первым классам гимназия.

Тиле. Здравствуй, Карл. Как ты поживаешь?

Карл. Здравствуй, Генрих. Спасибо. А ты как?

Тиле. Благодарю, очень хорошо. Господа, вы все знакомы с братом моим Карлом? Карл, это мои товарищи по банку, весьма уважаемые мною люди.

Тизенгаузен. Здравствуйте, Карл Эдуардович.

Ермолаев. Ермолаев. Очень приятно познакомиться. Вы очень похожи на вашего старшего брата, чрезвычайно.

Тиле. О да, мы очень схожи. Славный парень, серьезный работник. А этот господин, Карл, называется Феклуша – ты уже познакомился? Он называется Феклуша. *(Смеется.)* Мы учились вместе в Петершуле¹, и его выгнали из второго класса, и в жизни ему

¹ *Петершуле* – Peterschule – училище св. Петра. Так называлось ос-

не повезло. Феклуша, тебя выгнали из второго класса, а? *(Смеется.)*

Феклуша. Из третьего, Генрих Эдуардович. По неспособности; поведения я был отличного.

Тиле. Он говорит: по неспособности! *(Смеется.)* И вчера я встретил его на Невском: был сильный дождь, и уже прошло двадцать лет, как мы расстались, но я его узнал. И он шел очень быстро. Ты бежал, Феклуша?

Феклуша. Дождь, Генрих Эдуардович, а я без зонтика. Бежал.

Тиле. И на сегодня я пригласил его к обеду. Но прошу извинить, господа, если обед будет не таков, каким желал бы вас угостить на моей новой семейной квартире. Это мой первый не ресторанный обед, и я не могу поручиться за опытность моей новой кухарки.

Ермолаев. Ну что вы, Генрих Эдуардович, какие могут быть извинения! Только бы мы вас не стеснили.

Тиле. О нет. Я рад.

Тизенгаузен. Какие извинения! Наоборот, я очень польщен, Генрих, что ты позвал меня к первому твоему не ресторанному обеду. Когда ты женишься и у тебя будет порядок, ты забудешь старого друга Андрея Тизенгаузена.

нованное в Петербурге в XVIII в. немецкое среднее учебное заведение при лютеранском соборе Петра и Павла.

Тиле. У меня будет порядок, но я никогда не забываю старых друзей. Сиди спокойно и кури твою сигару.

Ермолаев (*Карлу*). Не вас ли я видел, Карл Эдуардович, на прошедшей неделе у Донона²? Вы сидели еще с каким-то офицером, кажется, гвардейцем, и барыней.

Карл (*лжет*). Нет. Я не бываю у Донона.

Тиле. Карл не может посещать таких дорогих ресторанов.

Ермолаев. Тогда я ошибся, простите. Но очень похоже.

Тиле. Нет, вы ошиблись, Дмитрий Иванович. Ну как же ты работаешь, Карл, я хочу слышать о твоих успехах.

Карл (*лжет*). Вчера я сдал второй зачет.

Тиле. О! Это хорошо. Ты – серьезный работник. Но не мешает ли вам эта песенка, господа, я снова ее слышу. Это поют мои маляры.

Тизенгаузен. Но это без слов! Я даже не подумал бы, что это называется песней.

Ермолаев (*прислушиваясь*). Нет, славно! Есть что-то такое... ямщицкое. Ведь мой отец ямщиком был,

² *Донон* – один из самых шикарных ресторанов старого Петербурга. В начале XX в. имя Донона носили два заведения. Один, так называемый «Старый, или Большой Донон», располагался на Благовещенской пл., д. 2 (ныне – пл. Труда), другой – «Донон и Бетан» – на Мойке, д. 24.

Генрих Эдуардович.

Тиле. И мне кажется, что хорошо. Хотя мой отец по происхождению швед, но я уже давно чувствую себя русским, и я это понимаю. Это – русская тоска.

Тизенгаузен. Хотя моя фамилия Тизенгаузен, но я даже не умею говорить по-немецки, я – русский. Тем не менее извини меня, Генрих, – я не понимаю, что это значит: русская тоска?

Тиле. О, это надо чувствовать.

Тизенгаузен. А ты чувствуешь?

Тиле. Сейчас – нет. О, теперь я так счастлив, что не могу чувствовать никакой тоски: русской, шведской, немецкой...

Все смеются.

Тизенгаузен. Вот это настоящие мужественные слова, Генрих! Но пока светло – не покажешь ли ты нам свою новую квартиру? Я умираю от любопытства, я хочу видеть, как ты въешь свое гнездо: берегись, Генрих, я старый и опытный самец.

Тиле. Нет, ты меня не испугаешь, старый ворчун! (*Смеется.*) Я еще только счастливый жених, но ты увидишь, какой у меня строгий план. О, ты увидишь!

Ермолаев. Да, приятно бы взглянуть.

Тиле. Прошу вас следовать за мной. Карл, будь

добр, посиди с моим Феклушей, пока я буду показывать. Пожалуйста, кури, Феклуша, папиросы на столе.

***Выходят.** Феклуша, стесняясь, берет папиросу. Карл зажигает и подает ему спичку, в то же время откровенно и холодно рассматривает его.*

Феклуша (тянется к спичке). Очень благодарен, я сам...

Карл. Пожалуйста. Почему вас так нелепо зовут: Феклуша? Это женское имя.

Феклуша. Как вам доложить, Карл Эдуардович? Вероятно, за характер... Я всегда был несколько робок, склонен к слезам, а равным образом – излишне тороплив, поспешен в мыслях.

Карл. Почему – равным образом?

Феклуша. Так говорится.

Карл. Нет, так не говорится. Но сегодня вы не тороптивы. Вы где служите?

Феклуша. Как вам сказать, Карл Эдуардович? В полиции.

Карл. Что такое?

Феклуша. Нет, нет, я в канцелярии градоначальника, по паспортной части. Генрих Эдуардович знают.

Карл. Много получаете?

Феклуша. Сорок рублей, ну с наградными и так во-

обще выйдет рублей девяносто. Сущие пустяки.

Карл. Большая семья?

Феклуша. Огромная.

Карл. А отчего вы не поступите в филеры³? Это выгоднее, вы могли бы зарабатывать.

Феклуша. Вы шутите! Как можно!

Карл. Нет, я говорю серьезно. Для провокации вы едва ли годитесь, но филером можно бы, не боги горшки обжигают. Сколько зарабатывает хороший филер?

Феклуша. Пустяки, дешевый заработок.

Карл. Нет – а хороший?

Феклуша. А если действительно хороший, то – огромные деньги, Карл Эдуардович! Ну раз вы так дружески, то сознаюсь, как перед отцом родным: пробовал, пытался, но...

Карл. Что же: но?

Феклуша. Не выходит, Карл Эдуардович! Способностей никаких нет, ни к чему хорошему не способен. То-то и несчастье мое, в том-то и осуждение судьбы, что – никаких способностей!

Карл. Никаких?

Феклуша. Ни малейших! Кругом, знаете, такое, что дай бы мне Господь истинный талант, я мог бы вполне обеспечить семью. А без таланта сколько ни бегай,

³ *Филер* – полицейский агент, сыщик.

сколько ни гомозись, лишней копейки не выбегаешь. Куда уж!

Карл. А вы, Феклуша, могли бы сделать или добыть – я не знаю, как у вас выражаются – добыть фальшивый заграничный паспорт?

Феклуша. Нет. Не сумею! Куда уж мне!

Карл. Но если постараться, имея в виду хорошие деньги?

Феклуша. А вам зачем?

Карл. На всякий случай всегда нужно иметь заграничный паспорт. – Нет, я шучу, конечно. Вы действительно бежали, когда вас встретил брат Генрих?

Феклуша. Вы смеетесь, Карл Эдуардович. Я, извините, не совсем понимаю ваш разговор.

Карл. Нет, Феклуша, я не смеюсь. Разве я похож на человека, который любит смеяться? Генрих просил меня занять вас, и я вас занимаю. Брат Генрих намерен покровительствовать вам?

Феклуша. Был бы безмерно счастлив! Они говорили, что оказывают денежную поддержку брату – это вам, Карл Эдуардович?

Карл. Мне. Но мне больше нравится говорить о вас, Феклуша. Скажите: когда вы были агентом, вам часто приходилось иметь дело с убийцами?

Феклуша. Убийцами?..

Разговаривая, входят Тиле и его гости. Тиле смеется.

Тиле. Ты поражен, старый ворчун? Позвольте отряхнуть ваш костюм, вы запачкали рукав, Дмитрий Иванович.

Карл. Я принесу щетку.

Ермолаев. Не стоит беспокоиться, право, пустяки.

Тиле. Нет, он принесет. Карл, принеси. Ну каково, господа? *(Счастливо смеется.)*

Ермолаев. Чудесная квартирка, Генрих Эдуардович.

Тизенгаузен. Да, ты меня поразил, Генрих.

Тиле. В столовой у меня будут обои под дуб; впоследствии я заменю их дубовой фанерой. Детская у меня, повторяю, выходит окнами на солнце, и в ней будет всегда светло. Это гигиенично и в Петербурге необходимо. К сожалению, в моем детстве я видел слишком мало солнца, и я хочу, чтобы у моих детей света было в изобилии. Солнце необходимо.

Тизенгаузен. Но ты так говоришь, Генрих, как будто у тебя уже есть дети, целая куча. Это самоуверенность холостяка, Генрих!

Тиле. Они будут.

Вошел Карл со щеткой.

Позвольте, Дмитрий Иванович. Карл почистит вам рукав. – Они будут, Андрей. Я уже приобрел детскую кроватку, через неделю она будет стоять на месте и ждать своего господина. *(Смеется.)*

Ермолаев. А когда свадьба ваша, Генрих Эдуардович?

Тиле. Через неделю будет готова квартира, через семнадцать дней, считая от нынешнего числа, будет свадьба. Сегодня с дневной почтой – минут через двадцать, к обеду, – я получу письмо от Елизаветы, где она сообщает мне точно о дне своего приезда. Елизавета поехала в Москву повидаться со своими родителями. Теперь эта комната, Андрей. Вот здесь будут ковры. – Здесь будут портреты. – В этих вазах у меня всегда будут живые цветы.

Тизенгаузен. Это уже роскошь, Генрих.

Тиле. Живые цветы не роскошь, Андрей. – Вот здесь, над роялем, будут две гравюры – пока я не имею средств на картины: голова Бетховена и известный «Концерт» Джорджоне⁴. Ты смотришь, Феклуша?

Феклуша. Во все глаза.

Тиле *(смеется)*. Он говорит: во все глаза! А вот

⁴ «Концерт» Джорджоне – знаменитая картина Дж. Джорджоне «Сельский концерт», находится в Лувре.

здесь, Андрей, в этом углу будет стоять кресло, на котором я буду тихо сидеть, пока Елизавета будет играть мне Бетховена и Грига. Ты видишь: я уже положил ноты, по которым она в первый раз сыграет мне, пока я тихо буду сидеть на своем кресле. *(Стряхивает пыль с нот и снова осторожно и любовно ставит их на место.)* Но какая пыль!

Тизенгаузен. Это от рабочих, Генрих.

Тиле. У меня не будет пыли. – Ты имеешь рояль, Феклуша?

Феклуша. Откуда ж мне, Генрих Эдуардович?!

Тиле *(смеется)*. Он говорит: откуда! Хочу сказать тебе, Андрей, что этот уголок, где я буду тихо сидеть и слушать – есть моя особенная радость.

Ермолаев. Квартира по контракту?

Тиле. Да. Контракт на три года с правом возобновления – я не хочу менять жилище через каждые три года. Да, Андрей, у меня ум сухой и практический, я не имею способностей к музыке, но я чрезвычайно люблю ее, как и брат Карл.

Карл. Но ты же сам играешь, Генрих.

Тиле. Что? Ты шутишь, Карл?

Карл. Ты забыл? Но ты имел большой успех в нашей детской.

Тизенгаузен. Так вот ты какой, Генрих Тиле! Мы думаем в банке, что ты только великолепный финан-

сист, единственная голова для цифр, а ты, оказывается, умеешь обращаться с нотами. Ты Моцарт, Генрих!

Тиле *(смеется)*. Не так важно, Андрей. Да, я вспомнил: это маленькая штучка, которую я играю двумя пальцами, меня мама научила, когда я был ребенком. Это называется весьма неприлично: «Собачий вальс».

Карл. Ты бы сыграл нам, Генрих.

Тиле *(грозит пальцем)*. Но, но, Карл!

Тизенгаузен. Нет. Ты должен! Не правда ли, Дмитрий Иванович, он должен сыграть нам, иначе мы обидимся и уйдем.

Ермолаев. Вот какие у вас таланты, Генрих Эдуардович, не ожидал! А мы сидим в банке и не знаем ничего. Сыграйте!

Тиле *(смеется)*. Но, но... вынужден, однако, сознаться, что Елизавете мой «Собачий вальс» очень нравится, очень!

Все смеются.

Карл. Итак, Генрих!

Тиле. Карл, ты насмешник. *(Шутливо.)* Но раз публика требует... *(Садится за рояль, говорит шутливо-торжественно.)* Прошу публику слушать внимательно: вот я сыграю «Собачий вальс».

Играет «Собачий вальс». Во время игры сидит очень прямо, серьезен, лицо неподвижно, как каменное, – но, кончив, раздражается веселым смехом. Пока он за роялем, Карл рассматривает его холодно и внимательно, затем первый рукоплещет... Общие рукоплескания – но так как слушающих мало, звук разорван и жидок.

(Кланяясь шутовски.) Дамы и господа – ваш нижайший слуга! На бис ничего не могу сыграть, но, кто желает повторения моей музыки, тех прошу пожаловать через семнадцать дней на бракосочетание Генриха Тиле и девицы Елизаветы Молчановой. Тогда я еще раз сыграю. *(Смеется и закрывает крышку рояля.)*

Феклуша. В котором часу свадьба, Генрих Эдуардович?

Тиле. В половине восьмого, Феклуша. В половине восьмого, не опоздай! Но все это ты узнаешь из приглашений, которые уже печатаются.

Тизенгаузен. Ты счастлив, Генрих?

Тиле. О да, мой друг! Позволь пожалть твою руку – но молча, молча, Андрей. Вот так. А теперь, господа, не чувствуете ли вы, что червячок после моей музыки шевелится сильнее? Он просит кушать. Карл, брат, пожалуйста, скажи моей новой кухарке, что через де-

сять минут мы будем готовы проэкзаменовать ее.

Карл. Я иду. *(Выходит и скоро возвращается.)*

Тиле. Ты хочешь кушать, Феклуша?

Феклуша. Да, не помешает.

Тиле *(смеется)*. Он говорит: не помешает! А коньячок видишь, Феклуша: это тоже не мешает?

Феклуша. А это очень даже не мешает.

Все смеются.

Тизенгаузен. Вы, вероятно, думаете, что друг вашего детства, Генрих Тиле, так-таки ничего и не пьет, кроме святой воды? Тогда вы очень ошибаетесь: он пьет коньячок.

Тиле *(смеется)*. Он пьет коньячок.

Феклуша *(смеется)*. Приятное занятие. Уж нечего, видно, таиться: при общей моей неспособности этот талант... *(вздыхает)* имею.

Ермолаев. Но вот удивительно, Генрих Эдуардович: восемь лет я вас вижу, и в ресторанах вместе бывали, и никогда не замечал вас выпившим.

Тиле *(смеется)*. Разве?

Ермолаев. Никогда.

Тизенгаузен. И не увидите, Дмитрий Иванович, Это такая крепкая голова, какой еще свет не создавал.

Тиле. Ты думаешь? – Но ты прав. И скажу еще...

Господа, звонок. Это почтальон и письмо от Елизаветы. Карл, прошу тебя...

Карл выходит. Тиле сдержанно волнуется.

Итак, ты любишь коньячок, Феклуша?

Карл (входя). Письмо из Москвы, заказное, распишись, Генрих. Здесь.

Тиле (расписываясь). Это я всегда просил, чтобы заказные. Вот двадцать, копеек почтальону, Карл. Так. Теперь нам пишут из Москвы... (Разрывая конверт.) Вы позволите, господа?

Тизенгаузен. Но разве можно влюбленному запретить? Читай, Генрих, нас здесь нет.

Тиле медленно и долго читает. При первых же строках бледнеет и постепенно бледнеет все страшнее. На него никто не смотрит, кроме Карла.

Ермолаев (тихо). Чудесная квартирка? Теперь такую вообще трудно сыскать.

Феклуша. Сейчас к квартирам и приступу нет, просто беда.

Тизенгаузен. У вас семья?

Феклуша. Огромная!

Карл (громко). Тебе нехорошо, Генрих?

Все испуганно смотрят на Тиле. Он встает, делает два шага – не огромной силой молча бьет кулаком по обеденному столу. Падают бутылки и стаканы. Все вскакивают.

Генрих!

Тизенгаузен. Генрих!

Так же молча и с той же силою Тиле вторично ударяет по столу. Стоит молча, обводя всех красными глазами, как бы ища, на кого броситься.

Ермолаев. Воды ему...

Тиле. Не надо.

Тизенгаузен. Генрих! Милый мой Генрих! Что-нибудь ужасное?

Тиле. Нет, не ужасное.

Карл. Генрих, успокойся.

Тиле. Я спокоен.

Тизенгаузен. Нет, это что-нибудь ужасное. Милый мой Генрих! Мы здесь! Мы все твои друзья, Генрих!..

Тиле. Я должен извиниться, но обеда у меня сегодня не будет. Карл, скажи новой кухарке, что она может идти домой...

Карл выходит и вскоре возвращается.

Тизенгаузен. Ну какой там обед. Ты не должен заботиться о пустяках, Генрих.

Ермолаев. Какой обед, Генрих Эдуардович?

Тиле. Обеда сегодня у меня не будет. *(Снова неожиданно ударяет по столу.)*

Тизенгаузен *(почти плача)*. О Боже мой! Какое несчастье, Генрих!

Тиле. Да? Я больше не буду. Вот очень странное письмо, Андрей. Здесь или написано не то, или я не умею читать письма. Прочти, Андрей, и скажи мне: быть может, я ослеп?

Тизенгаузен *(читает)*. Нет, ты не ослеп, бедный Генрих. *(Читает.)* Нет, это невозможно.

Тиле. И там сказано это: я продолжаю любить вас?..

Тизенгаузен. Сказано, сказано, Генрих!

Тиле. Так. Значит, я не ослеп. И там сказано это: но по настоянию моих родителей я выхожу...

Тизенгаузен. О Боже: уже вышла, Генрих! Уже вышла!

Тиле. Уже вышла замуж за богатого человека. Как его фамилия, Андрей?

Тизенгаузен. Фамилии нет.

Тиле. Фамилии нет. Так. И какая подпись, Андрей?

Тизенгаузен (*читает*). «Твоя недостойная Елизавета».

Тиле. Недостойная Елизавета: так. Недостойная Елизавета. (*Неожиданно и с силой бьет по столу.*) Недостойная Елизавета!

Тизенгаузен. Но добрый друг мой, мой несчастный друг!

Карл. Генрих, мужайся!

Тиле. Я больше не буду.

Ермолаев. Да и не стоит, Генрих Эдуардович. Дело житейское, еще лучше невесту себе найдете.

Тиле. Я не буду. Но не находишь ли ты, Андрей, что это выражено с необыкновенной точностью: недостойная Елизавета. Кто? – недостойная Елизавета. Кто? – Генрих Тиле. И еще кто? – Недостойная Елизавета. Тебе не хочется смеяться, Феклуша?

Феклуша (*испуганно*). Нет, Генрих Эдуардович.

Тиле. И не надо. Я не допущу смеха. Но не находишь ли ты, Андрей, что и все письмо составлено в очень точных выражениях?

Тизенгаузен. Извини, Генрих, но, по моему мнению, мнению честного человека – это подлое письмо. Да!

Тиле. А по моему мнению, это просто очень точное письмо. Генрих Тиле любит точность, он во всю свою жизнь не ошибся ни в одной копейке, не сделал невер-

ного сложения, не подчистил ни одной цифры, – и вот Генриху Тиле пишут точное письмо. И подписывают его: недостойная Елизавета. Но я хотел бы остаться один, господа.

Тизенгаузен. Но как же ты останешься один, мой бедный друг?

Тиле. Ничего. Я останусь один.

Карл. Хочешь, я побуду с тобою, брат?

Тиле. Нет, Карл, ты мне не нужен. До свиданья. Завтра увидимся в банке. – Карл, мне нужно сказать тебе два слова. *(Тихо.)* Карл, вот тебе деньги, пожалуйста, поведи этих господ в ресторан и угости их хорошим обедом.

Карл. Я могу пожать тебе руку, брат?

Тиле. Едва ли это зачем-нибудь нужно, но – пожалуйста. Крепче жми.

Карл. Я крепко жму.

Тиле *(усмехаясь)*. Нет, еще крепче.

Карл. Я жму... Чего ты хочешь?

Странное соревнование в силе. Остальные смотрят с беспокойством.

Тиле. Изо всей силы! Жми еще.

Карл. Я крепче не могу.

Тиле. А я? *(Нажимает.)*

Тизенгаузен. Не надо же, Генрих,пусти его.

Карл. Генрих,пусти.

Тиле (*усмехаясь*). А я?

Карл (*бледнея и корчась*). Мне больно. Пустии. Ты сломаешь мне руку.

Тиле выпускает руку брата и смеется.

Тиле. Ты очень сильный, Карл.

Карл. Мне не нравятся такие шутки, Генрих.

Тиле (*хмурясь*). Извини, Карл. Это действительно нехорошо. Извини. До свиданья, господа. Дверь закрывается сама, я не выйду вас провожать. Еще раз прошу тебя, Карл, извинить меня.

Все нерешительно уходят, поочередно, с разным выражением, пожимая руку хозяина. Тиле остается один, ходит по комнате. Он высокого роста, грузный, в темном сюртуке с круглыми фалдами, в серых брюках, с твердой, крепко наглаженной складочкой – его обычный костюм. Все новое, крепкое, и так же новы начищенные ботинки на толстой подошве и высоких каблуках. Лицо Генриха Тиле правильно, смугло, корректно до суровости; глаза темные, малоподвижные. Короткие волосы и небольшие усы черны, как у южанина. Снова поют маляры... Тиле

останавливается, вслушивается.

Что еще? Кто еще? Что там? (*Слушает – и внезапно с яростью ударяет по спинке кресла.*) Перестать.

Песенка продолжается, – тихая, печальная, монотонная. Тиле подходит к двери и кричит:

Эй, вы там! Перестать! Больше работать не надо! Ступайте домой. (*Опять ходит по комнате, останавливается, снова ходит, с нетерпением поглядывая на дверь.*) Это называется: русская тоска. Какая чепуха: русская тоска. Разве есть еще шведская тоска? Ну тогда – у меня шведская тоска. Кто? – Генрих Тиле. Кто? – Недостойная Елизавета. А еще кто? – А еще Генрих Тиле, Генрих Тиле... о Боже мой!

Вздыхает, присвистывая, как при зубной боли. Двумя тенями в густейших сумерках тихо проскальзывают маляры: двое испуганных.

Постойте! Больше не надо работать, уже темно, ничего не видно, и скажите хозяину, что вообще не надо работать. Куда? Идите здесь, там нет никого. Дверь запирается сама.

Маляры уходят. Тиле бродит по комнате, заходя в неожиданные углы, постукивает в стену, словно ища какую-то забытую дверь. Постепенно сливается с нарастающим мраком.

Там нет никого, и здесь нет никого. Один. О Елизавета, Елизавета! Один. Теперь я могу все бить – ломать – бросать на землю (*что-то бросает*) – разрушать: и никто меня не остановит. Я могу убить все вещи. Вот рояль...

Под сильным ударом звенит рояль.

Как зазвенело. А если еще?

Снова удар, и снова звенит рояль.

Как звенит! А когда я ударил по столу, они испугались и закричали: Генрих, Генрих! Вероятно, я ударил очень сильно, у меня болит рука. Тогда закричали, а теперь никто и не закричит: я могу бить, – ломать – разрушать. Никто меня не остановит, я один. И я могу взять в столе револьвер, приложить к виску и выстрелить. Что тогда? Тогда буду до утра лежать на полу, потом кто-нибудь сломает дверь – кто?

Молчание.

Нет.

Молчание.

Нет! – Но она уже вышла замуж, Боже мой; Боже мой! Боже мой! Уже вышла, уже – уже – уже! Боже мой! Я этого не подумал. Что же мне делать, как я буду, как же я буду целую ночь – целую ночь? Она уже вышла – как же я буду целую ночь? Теперь еще рано, только что смерклось: как же я буду целую ночь! Елизавета... Лиза!..

Молчание.

Нет.

Молчание. Внезапное движение темной фигуры, торопливые шаги.

Но это невозможно! Я забыл: я нанял квартиру на три года. Это невозможно, это глупо, я не хочу! На три года. Мне стыдно. Я сделал детскую, но это не так стыдно. А квартира? Боже мой!.. – И на рояль я положил ноты. Ноты. Купил. Да – так что я думал? – Она

играла бы, а я сидел бы тихо и слушал. Целовал ее руку. И может быть, так же стояла бы темнота, как эта, как сейчас. Ее нежную руку сейчас я взял бы и приложил к губам: как это делается? Вот так.

Безмолвие. И в темноте тихий тоскующий голос:

Какая долгая ночь, какая темная ночь. Лиза!..

Занавес

Действие второе

Та же обстановка, что и в первом действии; нет только обеденного стола. Ни единой черты не изменилось, хотя прошло больше года. Вечер. Горит электричество. У письменного стола сидит Карл Тиле и допрашивает слугу Ивана.

Карл. А когда возвращается домой брат Генрих?

Иван. Они обедают в ресторане и приходят домой часов в восемь; часов в девять опять уходят или в десять, а когда возвращаются, не знаю.

Карл. А ты сам когда уходишь домой?

Иван. В десять; иногда отпускают раньше.

Карл. Ты был на военной службе?

Иван. Так точно, Карл Эдуардович. Кавалерист.

Карл. А! Молодец! У тебя очень бравый вид, Иван, и ты отвечаешь толково. Молодец.

Иван. Рад стараться.

Карл. Молодец. Что ж, так каждый день он уходит?

Иван. Нет, раза два в неделю, а то дома сидят. А может, и уходят после десяти, только этого я не могу знать.

Карл. Правильно. Кто же у него бывает?

Иван. Никого.

Карл. Неужели?

Иван. Бывают только господин Александров, довольно часто.

Карл. Какой Александров? Из банка?

Иван (*слегка улыбаясь*). Нет. Они зовут господина Александрова: Феклуша.

Карл. А!.. Что же они делают?

Иван. Не могу знать, Карл Эдуардович.

Карл. Правильно: ты чудесно отвечаешь. Но что ты им подаешь?

Иван. Подаю коньяк.

Карл. Много?

Иван. Довольно достаточно. У нас его запас большой.

Карл. Так. Знаю я этого господина Александрова: смотри, Иван, чтобы как-нибудь шубу не унес этот господин Александров.

Иван (*улыбаясь*). Я уж смотрю, Карл Эдуардович.

Карл. Молодец. А вот что, Иван, вероятно, у тебя свой ключ от двери?

Иван. Так точно. У меня два ключа с черного хода, один запасной, на случай потери.

Карл. Правильно. А не можешь ли ты дать мне один ключ? Иногда я прохожу мимо после десяти, нужно зайти взять книгу, а отпереть некому.

Иван. Сомневаюсь.

Карл. Пустяки. Я не господин Александров, который может унести шубу. Вот тебе пять рублей.

Иван. Покорнейше благодарю, Карл Эдуардович. Но только сомневаюсь.

Карл. Пустяки! Вот еще пять рублей.

Иван. Извольте ключ. Но только в случае чего...

Карл. Конечно, я все беру на себя. Молодец! Люблю толковых людей: на-ка еще два рубля. Постой: это кто же звонит?

Иван. Господин Александров, надо полагать, больше некому. Извините. *(Выходит, через короткое время возвращается; следом за ним является Феклуша.)*

Иван *(докладывает, улыбаясь)*. Господин Александров.

Феклуша *(льстиво)*. Здравствуйте, Кард Эдуардович.

Карл ходит по комнате, не отвечает и как бы совсем не замечает Феклушу.

Генрих Эдуардович, вероятно, сейчас придут. Уже скоро восемь.

Карл молча ходит, потом останавливается перед Феклушей и смотрит на него в упор.

Карл. А вы мне ужасно надоели, господин Феклуша! Вот уже полгода я не могу зайти к брату, чтобы не наткнуться на вашу физиономию. Зачем вы здесь торчите? Вы служите в полиции, а я порядочный человек, студентки вы мне противны.

Феклуша. Что ж поделаешь, господин Тиле.

Карл. Он еще обижается: господин Тиле! Да, я господин Тиле, а вы когда-нибудь украдете шубу с вешалки, господин Феклуша...

Феклуша. Ей-Богу, я пожалуюсь Генриху Эдуардовичу! За что вы меня травите, за что со свету сживаете? Я хоть и в полиции служу, а я честный человек, у меня семья.

Карл. Он еще говорит о честности!

Феклуша. Ей-Богу, пожалуюсь.

Карл. А я скажу, что вы лжете. Кому из нас поверят, господин Феклуша? Мне скучно, я сегодня не выспался: солгите мне что-нибудь интересное.

Феклуша. Я не лгун, лгите сами.

Карл. И он еще грубит! Кажется, это у вас нет никаких способностей? Но это ужасно: быть бездарностью, глупцом, ничего не уметь – даже лгать. И при этом иметь огромную семью, сопливых детей и еще любить их, с нежностью вытирать им носы! Дурак! И при этом еще быть обидчивым, также иметь какое-то

самолюбие... Самолюбие! И его – я это по бороде вижу, – наверное, бьет жена. Вас бьет жена, господин Феклуша?

Феклуша. Даже не желаю отвечать.

Карл. Вероятно, очень грязная женщина ваша жена; да и вы не особенно чисты, господин Александров: вы вызываете во мне отвращение. Почему вы просто не клоп? – Тогда вас можно было бы убрать очень легко, посыпав порошком, а теперь надо стесняться. Стесняться! Какая чепуха! *(Молча ходит; снова оставливается перед Феклушей – до наглости близко.)* Вы сердитесь? Не надо сердиться, честное слово! Я ведь шутил. Даже не хотите посмотреть? – ну покажите ваши глазки. Я плохо спал сегодня, ночь провел с женщиной, и у меня нервы: понимаете, Феклуша, нервы! Это такая штука, при которой человек говорит всякие глупости.

Феклуша. Я не сержусь, но только зачем так обижать человека, Карл Эдуардович? Я вам ничего не сделал – грех, Карл Эдуардович!

Карл. Да, это нехорошо, я уже сознался. Скажите, душечка, что вы здесь делаете с братом Генрихом?

Феклуша. Ничего. Честное благородное слово!

Карл. Раз честное благородное слово, я преклоняюсь и молчу. Но что делает он? Каждый человек что-нибудь делает, что делает брат Генрих?

Феклуша. Не знаю. Честное благородное слово!

Карл. Генрих сидит дома, бросил кутежи и проводит вечера с таким странным субъектом, как вы. Вам не кажется, что Генрих сошел с ума – ну не совсем, а слегка?

Феклуша. Вот уж нет, вот уж не кажется! Это мы с вами скорее с ума сойдем, а не они!

Карл. Нет, с вами интересно. У вас очаровательные глазки, господин Феклуша, и если вы не форменный мошенник, то я, Карл Тиле, ничего не понимаю в мошенниках.

Феклуша. Вы опять?

Карл. Так вот какая комбинация, господин Феклуша: хотите заработать двадцать тысяч? Не можете представить? Так вот: уговорите брата Генриха застраховать жизнь в сто тысяч.

Феклуша. Не понимаю я вас, Карл Эдуардович, когда вы шутите, когда нет.

Карл. Но это же просто, как палец: всего сто тысяч – двадцать вам, восемьдесят мне как брату и за идею.

Феклуша. Но для этого же надо, чтобы он умер!

Карл смеется.

Карл. Комик!

Феклуша. Но отчего же он умрет? Что вы придума-

ли, Генрих Эдуардович здоровый человек.

Карл хохочет.

Карл. Комик господин Феклуша! Вам надо в цирк, Феклуша: вы клоун.

Феклуша (*вставая*). Честное слово, пожалуйста Генриху Эдуардовичу! Что же это! Что вы привязались ко мне, как сатана? Сатана!

Карл (*равнодушно*). Вы совершеннейший дурак, Феклуша. И от вас пахнет чем-то очень дурным: вы, вероятно, не знаете, что такое баня, господин Феклуша? Фи! Пойдите в баню, пойдите в баню, Александров, я дам вам полтинник.

Феклуша. Все скажу, вот увидите!

Карл (*еще равнодушнее*). Молчать. Вы мне надоели. Я буду ходить и думать, а вы извольте молчать и не мешать мне. Если вы скажете только одно слово или вздохнете погромче – один раз, беседуя со мной, вы позволили себе икнуть, невежа! – так если вы икнете только, я сегодня же сообщу брату Генриху, что вы подговаривали меня застраховать его и убить. Молчать.

Неторопливо ходит по комнате. Феклуша молчит. Стук двери в прихожей; несколько мгновений

спустя входит Генрих Тиле.

Тиле. Здравствуй, Карл. Как ты поживаешь? Здравствуй, Феклуша, садись.

Карл. Спасибо, а ты как, Генрих?

Тиле. Не дурно. Давно вы здесь?

Карл. Порядочно.

Тиле. Ты за деньгами, Карл? Кажется, твой месяц еще не вышел.

Карл. Спасибо, Генрих. У меня еще достаточно; и, кроме того, я получил хороший урок.

Тиле. Можешь не стесняться, Карл: я намерен еще прибавить тебе двадцать рублей в месяц. Феклуша, на вчерашнем собрании постановили увеличить мое жалованье на тысячу двести рублей в год.

Феклуша. Да что вы! Поздравляю, от всей души поздравляю, Генрих Эдуардович.

Тиле. Правление ценит мои заслуги.

Карл. Я даже не поздравляю тебя, Генрих, так это естественно. Еще вчера я встретил Тизенгаузена, и он говорил мне, что ты стал идеален. Он утверждает, что никогда еще не встречал такого корректного, неуязвимо-го, совершенного работника. Тебя в банке все боятся, Генрих.

Тиле. О да, меня все боятся. Когда я прохожу по залу, они не смеют повернуть головы. Еще только вчера

я выгнал двух служащих за неаккуратность. Да, меня надо бояться.

Карл. Конечно, меня ты не включаешь в это число? Я шучу, Генрих. Но вот о чем я намерен серьезно попросить тебя: здесь я разговорился с твоим другом...

Тиле. С моим клиентом, Карл. Так выражались римляне.

Карл. Извиняюсь: с твоим клиентом – и нахожу, что положение его ужасно: огромная семья, отсутствие средств, слабые способности...

Тиле. Дальше?

Карл. Мне деньги не нужны: будь великодушен, Генрих, отдай ему эти ежемесячные двадцать рублей. Я тебя серьезно прошу.

Молчание. Тиле внимательно смотрит на брата: тот корректен, серьезен и скромн.

Тиле. Хорошо. Хорошо! Феклуша, ты слышал? Благодарю же брата Карла, теперь ты имеешь от меня двадцать рублей в месяц.

Феклуша (растерянно). Ей-Богу, я уж и не знаю... Господи Боже!.. Благодарю вас, Карл Эдуардович. Не могу выразить, но от всей моей семьи...

Прослезился. Братья Тиле оба смотрят на него.

Карл (*брату, тихо*). Он волнуется. (*Громко.*) И так, до свиданья, Генрих. Покойной ночи. Ты сегодня вечером дома?

Тиле. Нет, у меня есть свидание. Спокойной ночи, Карл. Дверь закрывается сама.

Карл уходит. Тиле хает, сои закрывается дверь за Карлом. Насмешливо показывает рукою и лицом, как захлопнулась дверь на ключ и громко хохочет. Феклуша с некоторым страхом смотрит на него.

Феклуша. Вы сегодня пили за обедом, Генрих Эдуардович?

Тиле. Я всегда пью за обедом. Если бы Карл не был мой брат, я сказал бы, что Карл – дурак. (*Смеется.*) Они прибавили мне тысячу двести! Они говорят, что я идеален! Феклуша – они в банке боятся меня!

Феклуша (*льстиво смеется*). Очень ловко, Генрих Эдуардович! Я даже удивляюсь, ей-Богу, как Вы это умеете* А это правда, что вы выгнали двух чиновников?

Тиле. Правда.

Феклуша. Все-таки жалко их. Семейные?

Тиле. Кто бы я ни был, но неаккуратности допустить я не могу. Они заслуживали быть выгнанными.

Феклуша. Генрих Эдуардович!.. А что двадцать рублей мне – это правда, вы не пошутили?

Тиле. Ты заяц, ты просто трусливый заяц, Феклуша! Нет, я не пошутил, и ты будешь получать двадцать рублей, – но недолго, недолго, Феклуша! *(Смеется.)* Эти глупые люди в банке боятся меня. Я хочу украсть у них миллион, а они меня боятся! Я хочу украсть миллион, а они говорят: Генрих Тиле безукоризненный работник, ок идеален. Разве это не смешно, Александров?

Феклуша *(угрюмо)*. Не верю я этому, Генрих Эдуардович. Одни только слова для искушения, и больше ничего, извините, пожалуйста.

Тиле. Ты полагаешь, что я так честен?

Феклуша. Ничего этого я не полагаю. И что при вашем таланте вы вполне можете позаимствовать из банка не только миллион, а и два и сколько хотите, это я разделяю. Но...

Тиле. Украсть, Феклуша! Говори дружески: украсть.

Феклуша. И еще того хуже: украсть. Но какой смысл? Какой смысл, Генрих Эдуардович? Слезно прошу вас: объясните, не мучайте вы моей головы, не терзайте. Вот вам тысячу двести прибавили и еще скоро прибавят... Нет, Генрих Эдуардович, вы мой благодетель, но окончательно убеждаюсь, что вы просто так, играете со мной.

Тиле. Ты глуп, Феклуша.

Феклуша. Это-то я уже много раз слышал, этим вы меня не удивите, а все-таки не верю я в ваш план. Господи!.. И почему вы со мной об этом говорите, какой я вам товарищ? Вы по уму министр, а я что? Нет, окончательно утверждаюсь, что вы играете, театр представляете. Никуда вы не убежите!

Тиле. Ты глупец, Александров! Вы все глупцы, и никто из вас не знает Генриха Тиле с его огромной душой. У меня огромная душа, Александров! Моя душа живет во дворце, Александров, а не в этой глупой квартире, где детская с окнами на солнце! Но пусть никто не знает – меня радует вид обманутых глупцов.

Феклуша. Так и я не хочу знать, не желаю, да! Вы слышите, Генрих Эдуардович, или нет? Не желаю больше. Я за полгода, как вы мне это сказали, одной ночи не спал, честное слово.

Тиле. А зачем спать?

Феклуша. Как это зачем? Жил я беззаботно...

Тиле. А зачем спать? Я тоже не сплю ночи, Феклуша! О, я очень много спал и теперь проснулся: ты не видишь ли солнца, которое светит мне ночью? Это мое *солнце*, и я проснулся. Генрих Тиле, который любит точность, который положил на рояль вот эти глупые ноты, который нанял квартиру на три года, на десять, на сто лет, – проснулся! Хочешь, я тебе сыграю

«Собачий вальс»? Слушай, Феклуша, – вот я играю тебе «Собачий вальс». (*Играет с тою же серьезной, деревянной, чопорной манерой, как и прежде; потом смеется.*) Слышал?

Феклуша. Слышал. Вы сегодня пили за обедом, Генрих Эдуардович?

Тиле. Я всегда пью за обедом, я тебе уже сказал. Но я вижу, что я ты должен выпить, чтобы освежить твои дурные мозги. (*Звонит.*) Сейчас будет коньячок, Феклуша.

Феклуша (*жалобно смеясь*). Вот я и опять вам верю. Как вы скажете это «коньячок»...

Тиле. Тише. Иван, дайте нам коньяку... или... это будет превосходно: сделайте нам шведский пуши. Быстро!

Иван выходит.

Ты любишь шведский пунш, Феклуша?

Феклуша. Шведский пунш я обожаю, Генрих Эдуардович, но где же суть? Сути я не вижу.

Тиле. Суть в том, чтобы ты пил коньяк и пунш, пока Генрих Тиле обманывает своей арифметикой глупцов. И еще в том суть, Александров, и это я прошу заметить, что приблизительно через две недели я уезжаю с миллионом рублей. Точного дня, однако, я тебе

не назову.

Феклуша. А зачем мне точный день? Только как же вы уедете, когда у вас и паспорта заграничного нет!

Тиле. Есть. Но послушай: вчера я снова размышлял над картой путей сообщения и нашел, что первоначальный мой план бегства через Стокгольм не выдерживает строгой критики: меня схватят еще в Стокгольме или Мальме. Я строгий критик, Феклуша, и все вижу впереди! Теперь у меня другой план.

Феклуша. А какой?

Тиле. Этого тебе я не скажу.

Феклуша. Да ведь все равно же ничего не запомню! Сколько этих планов вы мне говорили: скажете, а я тут же и забыл, голова называется! А сегодня мы будем карты рассматривать? Я бы посмотрел, Генрих Эдуардович, так интересно, что даже дух захватывает.

Тиле. Нет. Тише: идет Иван.

Иван входит и ставит на стол пуниш.

Иван, вы можете идти сейчас домой, вы сегодня мне не нужны. Спокойной ночи, Иван.

Иван. Спокойной ночи, Генрих Эдуардович. *(Уходит.)*

Тиле. Пей, Феклуша, освежи твои дурные мозги,

Превосходный пунш.

Феклуша. Дал бы Бог освежить... Сегодня у меня мальчик заболел, Генрих Эдуардович, корь, что ли, не знаю, Я уже ушел поскорее, нечего мне там делать! Отец, тоже!

Тиле. Сегодня мы пойдем в твой грязный трактирчик. Я сегодня хочу много пить, много говорить и видеть много людей. Но не глупцов! Феклуша, ты знаешь, что Елизавета дважды приходила ко мне и стучалась в эту дверь?

Феклуша. Нет. Да что вы! Сама?!

Тиле. Да. И первый раз ей отказал слуга Иван, а во второй я сам открыл ей дверь, поднял руку вот так и сказал ей: вон! Она сказала: прости. Я сказал ей: вон – глупая Елизавета. И закрыл дверь.

Феклуша (*пьет и смеется*). Жалко женщину, глупые они. Но вы же ее любили?

Тиле. Нет! И мы сегодня пойдем в твой трактирчик: мне нравятся люди в твоём трактирчике, Феклуша!

Феклуша. Что ж, пойдемте, я на все готов.

Тиле. И ты мне нравишься, Феклуша: с тобой я могу говорить, как будто я один. Но я не один – потому что у тебя есть уши. Но я один, потому что это – уши осла! Но ты хитрый, ты очень хитрый зверек, Феклуша.

Феклуша. Ну какая у меня хитрость, и что вы говорите! Сыщником еще мечтал сделаться: да у меня вся-

кий из-под носу уйдет, и не увижу. Эх! (Пьет.)

Тиле. Нет, ты очень, очень хитрый зайчик. Я тебя вижу: ты придумал кое-что свое, ты тоже хочешь быть не дурак – о, ты очень большой мошенник, Александров! Но это ничего, ибо меня уже предупредил мой ангел. (Смеется.) Это ничего!

Феклуша. Оставьте! А неужто вы, Генрих Эдуардович, все поезда и пароходы знаете?

Тиле. Все.

Феклуша. Скажите пожалуйста! Так-таки все! А я и на трамвай промахиваюсь, все не на тот номер. И неужто нужно только две бумажки, чтобы получить миллион? Даже не верится!

Тиле. Только две.

Феклуша. Какой талант! А какие бумажки нужны?

Тиле. Тебе этого не надо знать, глупый Феклуша: это лишнее. Но вот через две недели на некотором пароходе будет сидеть некоторый очень корректный господин, и у него в кармане будет миллион. И, сидя на некотором пароходе, некоторый человек поднимет руку вот так, протянет ее к далеким берегам и скажет: прощайте, далекие и глупые берега! Прощай, глупая квартира с детской на солнце! И прощай, и будь проклят, и мертв, и похоронен Генрих Тиле, любивший точность! Феклуша – хочешь, я сожму тебе руку так, что у тебя сломаются кости?

Феклуша. Нет, не люблю я таких шуток, Генрих.

Тиле. Генрих Эдуардович, а не Генрих, господин Александров! И если я еще хоть раз увижу тебя непочтительным, Феклуша, старый товарищ, единственный друг Генриха Тиле, – то я не только сломаю тебе руку, но сломаю все кости. Слыхал?

Феклуша. Я же нечаянно, Генрих Эдуардович, как же можно себе позволить. Господи, и разве я не понимаю разницы?

Тиле. Превосходно сказано! Допивай же свой стакан, и скорей идем в твой рестораник. Там ты будешь молчать и пить, пока у тебя не станут зеленые глаза, а я буду пить, смеяться, бить рукой по столу и говорить о глупом, мертвом Генрихе Тиле. Идем!

Феклуша (*вставая*). А что бы я вас попросил, Генрих Эдуардович, если вы уже такой добрый. Ей-Богу! Ну, и конечно, я человек женатый, но какая у меня жена? Ей-Богу! Ну и что бы нам из трактирчика махнуть в один домик: женщины там отличные, даже интеллигентные, ей-Богу!.. Оно и вам бы...

Тиле. Вздор и пошлость. Ты ужасно мелкий негодяй, ты заяц, Феклуша. Идем!

Феклуша (*допивает стакан*). Сейчас. Ну и не надо. И совсем я не негодяй, а просто несчастный человек. Если ж у меня ребенок болен?.. Иду.

Тиле. Закрой электричество.

Закрывают электричество, и оба выходят. Некоторое время на сцене молчание. Затем тихо открывается дверь из внутренних комнат, слышен осторожный шепот, и две тени, слабо освещенные огнем с улицы, продвигаются по комнате. Сдержанный женский смех.

Карл (*громко и смело*). Никого. Ушли. Можешь смело входить.

Женский голос. Ай! Колено ушибла. (*Смеется.*) Мы с тобой как воры...

Карл. Не могу найти выключатель. Кажется, здесь. Постой, Лиза, не ходи, пока я зажгу свет.

Елизавета. Нет, не надо свет, погоди. Я уже сижу в кресле... Но я ничего не понимаю, где я. Это ужасно интересно: мы совсем как воры в чужой квартире. Они тоже сидят в кресле и так осматриваются. Давай играть в воров, Карл (*шутливо, угрожающим шепотом*), убьем и ограбим брата твоего Генриха Тиле.

Карл. Не имею ни малейшего желания играть. Все-таки глупо, что я забыл фонарик. Где ты, я тебя не вижу?

Елизавета. Здесь.

Карл. Совсем не видно, Лиза, я засну. Еще одна такая ночь и такой день, как у нас сегодня, и я буду засы-

пать при ходьбе. Удивительно! – Неужели ты не устала?

Елизавета (*тихо смеется*). Нет.

Карл. А я... (*Зевает.*) Ты даешь когда-нибудь твоему мужу спать?

Елизавета. Мужу – да. Но как интересно, что мы ничего не видим: я все ошибаюсь, в каком углу сидишь ты. А какая комната? – Я боюсь взглянуть на нее при свете. Я была в этой квартире только два раза, и она еще не была отделана, но Генрих мне показывал, что будет. Скажи – нет, света не зажигай, а так скажи: вот тут, над роялем, две картины... Постой, я припоминаю, да, голова Бетховена и какой-то еще Концерт, – да?

Карл. Нет. Никаких картин нет.

Елизавета. А ковры?

Карл. И ковров нет.

Елизавета. А кресло в углу?

Карл. Не знаю. Я же говорю тебе, что Генрих так и оставил картину. И мне это наскучило, Лиза. Зачем ты притащила меня сюда, что тебе здесь надо?

Елизавета. Надо.

Карл. Если это не обычная ваша глупость, то это садизм или как там называется, я путаю эти слова. Мне, положим, все равно, но просто неинтересно. И если в твою сегодняшнюю программу входят еще сле-

зы о разбитом корыте, то, слуга покорный, я засну.

Елизавета. Я не знаю лица Генриха. Он похож на тебя? Я не помню его лица.

Карл. Спокойной ночи. Я засыпаю.

Елизавета. Ты – ужасно гнусный человек, Карл. Я удивляюсь, как может быть у такого честного, благородного человека, как Генрих, такой... бесчестный брат.

Карл. И поэтому, уйдя от честного Генриха, ты стала любовницей бесчестного Карла? Правильно!

Елизавета. По-твоему, я... такая же?

Карл. А как же? Сперва ты изменила Генриху с мужем, теперь ты изменяешь и Генриху и мужу со мной. Ну, муж твой, положим, дурак, но все же... И наконец, ты меня содержишь: это, знаешь, не особенно морально.

Елизавета. Зажги свет.

Карл. С удовольствием. (*Ищет выключатель.*) Ты, Лизетт, напрасно стесняешься со мной: сейчас ты так трагически произнесла – «гнусный»... Вот!

Вспыхивает свет. На кресле у рояля сидит Елизавета; при внезапном свете закрыла глаза обеими руками. Карл снова утомленно садится, щурится на свет.

Я тем и удобен, что со мной можно говорить обо всем, и делать все, и обнажаться... Черт возьми, однако! – они тут попивали пуншик; это оживляет пейзаж. Недурно пристроился господин Феклуша: пуншик!

Елизавета отняла ладони от глаз и со страхом осматривает комнату. В ушах у нее большие бриллианты. Она красива.

Елизавета. Карл, это ужасно! Карл, это ужасно!

Карл. Просто бездарно.

Елизавета. Нет! Здесь как будто бы произошло преступление. Здесь совершилось убийство, я убийца, Карл!

Карл. Пустяки, женские нервы!.. Но что-то, пожалуй, есть, какой-то интересный запах... Преступление!.. Вот слово, которое надо произносить осторожно: оно действует магически. Ах, черт возьми, а дверь?! Ведь у него свой ключ, он может каждую минуту вернуться, едем!

Елизавета. погоди. Я смотрю. – Я его люблю, Карл.

Карл. Не сомневаюсь. Какие у тебя чудные бриллианты, Лиза!

Елизавета. Я его люблю, Карл. Зачем я это сделала, этого не нужно было, совсем не нужно. У меня

ужасно много денег, но они мне не нужны, совсем не нужны. Но тогда я их хотела... или не хотела? – Не знаю. Не знаю. Карл, – хочешь, я завтра дам тебе десять тысяч?

Карл. Хочу.

Елизавета. Хочешь двадцать?

Карл. Не дашь, душечка. И десяти не дашь, а пятьсот рублей дашь за сегодняшний визит. Я тебя знаю, душечка, но я не жалею, я доволен. *(Беспокойно ходит.)* Лиза, у меня что-то нервы приподнялись... *(Потягивается.)* Надо как-нибудь разрешить: поедем сейчас на автомобиле как бешеные. Поедем. А пока – позвольте поцеловать вас в ушко, у вас необыкновенные уши.

Елизавета. Уши – или бриллианты?

Карл. И то и другое. Ты такая душечка...

Елизавета. Оставь. Не смей!

Карл. Нет, смею. А теперь это!

Елизавета *(насмешливо)*. Карлуша!

Карл *(быстро отодвигается; сердито)*. Но я прошу тебя...

Елизавета. Карлуша! Карлуша!

Карл *(бледнеет)*. Я уже просил тебя на называть меня этим дурацким именем. Меня зовут Карл, а не Карлуша. Прошу запомнить!

Елизавета *(также бледнеет, но продолжает сме-*

яться). Карлуша. Нет, ты просто Карлуша!

Карл (*лицо его свирепо*). Но я тебя... серьезно прошу! Ты можешь называть меня, как тебе угодно, я не обижаюсь, но этой клички я не выношу. Слышишь?! И меня вовсе не следует сердить, – о, вовсе не следует сердить.

Елизавета. А что будет... Карлуша?

Карл (*медленно*). А будет то, что брата Генриха будут судить за убийство Елизаветы. Я тебя удушю. Молчать!

Елизавета (*отступая, шепотом*). Карлуша, Карлуша, Карлуша...

Карл (*делая маленький шаг, так же тихо*). Молчать. Ты хочешь? Последний раз...

Елизавета (*прячась за кресло*). Карлуша...

Карл молча надвигается к ней. Елизавета отступает, не сводя с него расширенных глаз. Вдруг она наваливается и прислушивается.

Тише! (*Испуганно*.) Кто-то идет.

Карл (*также испуганно*). Где? Тише.

Елизавета. Шаги.

Карл. Нет.

Елизавета. Кто-то за дверью.

Карл. Тише. Где?

Оба бледные, склонившись всем телом, в позе напряженного внимания, – прислушиваются. Горит электричество. Тихо.

Занавес

Действие третье

Картина первая

Ночь. Туман. Набережная одного из петербургских каналов. Мутный воздух светел от городских фонарей и неподвижен. Отчетливо видна на первом плане только чугунная решетка; за нею, где вода канала и та сторона – мглистый провал, бесформенное нечто, смутно намекающее на какие-то огромные дома. В нескольких окнах, разбросанных по шести-семи этажам, ночные огни, – слабые и неподвижные желтоватые пятна.

У чугунной решетки, полуоблокотившись на нее, стоят и разговаривают Генрих Тиле и Феклуша. Тиле курит сигару.

Тиле. Ты пьян, Феклуша, совсем пьян. У тебя зеленые глаза. Идем!

Феклуша. Не пойду.

Тиле. Хочешь, я позову извозчика? Тогда тебе не нужно будет передвигать ногами.

Феклуша. Не хочу.

Тиле. Я дам тебе еще коньячку.

Феклуша. Не хочу. Вы сами пьяны. Я не хочу на вашу квартиру, пустите меня. Я не хочу!

Тиле. Не кричи!

Феклуша. Я не кричу.

Молчание.

Пустите меня, Генрих Эдуардович, я на коленки перед вами стану. Хотите, я на коленки стану, пустите. А то опять закричу.

Тиле. Александров!

Феклуша. Я не буду. Зачем вы отыскиали меня, Генрих Эдуардович? *(Плачет пьяными слезами.)* Я спрятался, и вы меня отыскиали, я больше не могу. И в трактир не хочу, и коньячку вашего не хочу, я домой пойду, меня жена ждет.

Тиле. Ты пьян, Феклуша, не плачь, это глупо. Послушай: разве ты забыл, что ты хотел сделать? Вспомни – ну же! Вспомни: ты хотел выдать меня, когда я убегу с деньгами, и получить третью часть. Это сделает тебя богатым, ты будешь богат, Александров? Вспомни.

Феклуша. Ну и хотел, а теперь не хочу. Я с ума сошел с вашими картами, У меня живот подтянуло, как у гончей собаки. Все бегу, все бегу, а куда – и сам не знаю. Проклятый был тот день, когда я вас на Невском

встретил... Обрадовался, товарища нашел!

Тиле. Да, это был проклятый день, ты вполне точно выражаешься, Феклуша. Пойдем ко мне, пойдем, у нас будет очень хорошо. Ты забыл? Зажжем все лампочки, я достану коньячку...

Феклуша. Не пойду. Вот мое последнее слово, Генрих Эдуардович.

Тиле. Зови меня Генрих.

Феклуша. Не хочу. Или вы бежите теперь же с вашим миллионом, или... к черту все это, к черту! К дьяволу!

Тиле. Хорошо, я убегу. Выпей-ка, Феклуша, это коньячок.

Феклуша. Откуда это? *(Пьет из горлышка.)* Здорово хорошо. А вы?

Тиле. Я тоже выпью. *(Пьет.)*

Феклуша *(смеется)*. Хороши товарищи! Вот бы из вашего банка на вас посмотрели, до чего смешно, ей-Богу?

Тиле *(тоже смеется)*. Они спят, Феклуша, и видят во сне, что Генрих Тиле занимается арифметикой. А Генрих Тиле пьет с Феклушей коньячок.

Оба смеются, покачиваясь.

Феклуша. А где мы? Я этого места не знаю. Где мы,

Генрих Эдуардович?

Тиле. Это Екатерининский канал⁵. А это – туман, Феклуша. А это – вода. Хочешь плюнуть в воду?

Феклуша. Хочу. *(Плюет.)* А это что?

Тияе. Это освещенные окна в доме, который на том берегу. Кто-нибудь не спит. И он не спит.

Феклуша. А я думал, что мы одни только не спим. Еще коньячку нету, я бы выпил, мне холодно.

Тиле. Пойдем ко мне, я дам: там стоит такой круглый столик, Феклуша, и на нем коньячок и пуншик. Ты любишь пуншик?

Феклуша *(все еще упрямо, но слабее)*. Не пойду. Или вы теперь же бежите, или... Отчего вы не бежите? Ну какой вы вор, ей-Богу, честное слово. Вот возьму, да в воду и брошусь, ей-Богу.

Тиле. О, какой ты хитрый, ты очень хитрый зверек, Феклуша. И все вы очень хитрые звери, и вы хотите быть хитрее Генриха Тиле, но нет! – Он вас обманет, Феклуша! – я шутил. Ты можешь гнаться и ночью и днем: ты не догонишь. Ты совсем сойдешь с ума, у тебя станут желтые глаза, ты будешь выть у двери, но ты не догонишь!

Феклуша. У меня и сейчас желтые глаза. И вы тоже пьяны.

⁵ *Екатерининский канал* – Канал в Петербурге, соединяющий между собой две реки – Фонтанку и Мойку (ныне – канал Грибоедова).

Тиле. Ты глуп, Александров! Я не могу быть пьян. Я пью вот это (*бросает бутылку в воду*) – и оно становится огнем, оно горит как пламя. Во мне огонь, Александров!

Феклуша. Я бы двадцать раз убежал.

Тиле. О да. И ты двадцать раз убежал бы, и другой дурак двадцать раз убежал бы – и уже двадцать раз полиция поймала бы еще одного дурака! Но я терплю. Я думаю и терплю. О, я уже устал составлять планы и разрушать планы; но вот скоро у меня будет такой, которого нельзя разрушить, – и тогда я исчезаю. Ейн, цвей, дрей – фух! (*Дует на пальцы.*) Где Генрих Тиле? Исчез, извините, надел шапочку-невидимочку. Феклуша! Ты можешь догнать призрак?

Феклуша (*жалобно смеясь*). Вот я и опять как будто верю. Истинный вы демон-искуситель, Генрих Эдуардович! Я лучше домой пойду, ей-Богу.

Тиле. О, верь мне, Феклуша, пожалуйста, верь! У меня необыкновенная голова, которая все видит. Ты говоришь – это туман, а я говорю: нет, это крылья, на которых полетит Генрих Тиле. У меня необыкновенная голова, Александров: когда все спят, она думает. Что она думает? Все! О, какие сны я вижу, какой я счастливый человек, Александров! (*Счастливо смеется.*) Извини, пожалуйста, я тебя толкнул.

Феклуша. Пустяки, ну что вы, Генрих Эдуардович.

Тиле. Нет, это невежливо. Извини, Глупцы мне говорят: что вы делаете целыми днями, Генрих Эдуардович, вы всегда один? А мне не хватает дней и ночей, чтобы думать! – Думать! – Думать! Они везут меня к веселым женщинам как больного, которого надо лечить, и спрашивают: хорошо, Генрих Тиле? И я говорю: очень хорошо! Замечательный разврат! (*Смеется.*)

Феклуша (*также смеясь*). Хорошие женщины?

Тиле. Но ты же глуп, Феклуша, – разве мне эти женщины нужны? Три рубля, и я уже развратник, – глупо! Послушай: мне сейчас тридцать четыре года, я могу прожить еще столько же... и пусть я буду старик, это ничего не значит: папами в Риме делаются только старики, это ничего. И в Америке... или там, где я буду, где будет тот человек, который вылезет из глупой шкуры Генриха Тиле – в Америке я пушу в обращение мой миллион: о, я умею обращаться с деньгами! И у меня уже есть, я обдумал, все предусмотрел, и знаю десять комбинаций, которые через пять лет дадут мне сто миллионов рублей. Это хорошо: сто миллионов?

Феклуша. Что спрашивает!

Тиле. Нет, Александров, это плохо, но тысяча миллионов – это уже хорошо! Это уже можно жить. Это уже можно наслаждаться! Это уже можно иметь дворцы, покупать женщин, быть благодетелем идиотов,

иметь собственного Генриха Тиле, который любит точность, – это уже можно наслаждаться! Я буду наслаждаться, Александров!

Феклуша. Нет, не хочу. Пустите меня, Генрих Эдуардович, голубчик! Зачем вы меня за руку взяли, пустите...

Тиле. Ты должен мне верить, Феклуша, старый товарищ! Должен любить меня, у меня необыкновенная голова – о Феклуша, Феклуша!

Феклуша. Ей-Богу, люблю, да люблю же!

Тиле (*наклонившись к нему, тихо*). Тихо, Александров: ты знаешь, что я, Генрих Тиле, – уже преступник? Да!

Феклуша. Разве уже? Наконец-то, слава Богу!

Тиле. Ты умеешь думать только про деньги? – нет, это не деньги. Это – женщины, это маленькие девочки, которые еще картавят: Генлих, Генлих! Это – убийство людей, это обман, предательство, насмешка, ложь, жестокость... И что еще есть? Что еще есть, Феклуша, чего бы не испытал Генрих Тиле?

Феклуша (*слабо*). Пустите.

Тиле. Сейчас, Феклуша, сейчас будет коньячок, ты любишь коньячок? Или пуншик? Милый Александров, я дам тебе пуншику, о да, сколько хочешь.

Феклуша. Опять пуншик? – Не хочу. (*Грубо.*) Когда вы все это успели? Врете вы все, у вас и денег на это

нет. Не хочу слушать глупостей, вот и все.

Тиле (*счастливо смеется*). Я готовлюсь, ведь надо же все это уметь, понимать, как нас учили в Петершутле. Я готовлюсь, я рисую картины, я знаменитый живописец, Александров! И я свершил все!

Феклуша. Пустите.

Тиле. Молчать – или я брошу тебя в воду! – Я свершил все. Они, вот эти, они знают только тело преступления, – я, Генрих Тиле, проник в его душу. О, как я знаю душу убийства!

Феклуша. Я закричу городского.

Тиле. Молчи, дурак!

Феклуша (*громко*). Го...

Тиле зажимает ему рот. Легкая борьба и молчание, слышен только испуганный сап Феклуши и тяжелое дыхание Тиле.

Тиле. Но ведь я только шутил, это все совсем глупо, Александров. Я шутил, ты понимаешь? И теперь ты не будешь кричать, нет?

Феклуша. Нет. Я испугался отчего-то.

Тиле. Ну да, ну да: ты подумал, что я говорю серьезно, и ты испугался. Не дрожи так, не надо дрожать, не надо. Ты бедный зайчик, Феклуша, а я волк, да? (*Смеется, стараясь казаться добродушным.*) А,

я волк, да?

Феклуша. Я очень люблю вас, Генрих Эдуардович, вы мой благодетель, и как же я могу кричать! (*Всхлипывает.*) Пустите меня, мне очень холодно, я могу сильно простудиться.

Тиле. Да, да, такой сырой туман, ты можешь простудиться, милый. Феклуша. У тебя такое слабое здоровье, милый Феклуша. Не надо дрожать, не надо, мы сейчас пойдем. Ты можешь идти или еще немного подождать? Я подожду.

Феклуша. Я сейчас.

Тиле. Ах, какой глупенький, маленький зверочек: он дрожит! Но мы его согреем горячим пуншиком, очень горячим пуншиком, и мы будем, наконец, музицировать! Ты хочешь музицировать, Феклуша?

Феклуша. Хочу. – Кто-то идет, Генрих Эдуардович, пустите мою руку.

Тиле (*смеется*). Это лесной царь, Феклуша: «... к отцу, весь издрогнув, малютка приник...»⁶ Кто еще идет? Кто еще хочет пугать моего зайчика? (*Смеется*) Это ничего: это дама в большой шляпе. Это прекрасная дама за пять рублей, и ты будешь сегодня Дон-

⁶ «К отцу, весь издрогнув, малютка приник...» – слова из баллады И. В. Гете «Лесной царь» (1782) в переводе В. А. Жуковского. Баллада была положена на музыку Ф. Шубертом, для русского перевода музыка слегка изменена А. Г. Рубинштейном.

Жуан!

Феклуша. Нет, не надо.

Тиле. Нет, надо, ты хочешь, ты хочешь, ты сам это говорил. Ну – улыбайся, улыбайся же, Александров, ты молодец!

Из тумана выплыла и остановилась женщина в большой шляпе с обвисшими мокрыми перьями.

Здравствуйте, прекрасная дама. Позвольте вас спросить, отчего вы гуляете одна в такую дурную погоду?

Дама молчит и приглядывается.

(Смеется.) Но не молчи же, Феклуша, надо быть любезным кавалером. Спроси ее. Ты же сегодня Дон-Жуан!

Женщина смеется и делает ручкой.

Женщина. Здравствуйте, дружки. Вы смеетесь или нет? Что вы тут стоите, над каналом, меня ждали?

Тиле. Она спрашивает: меня ждали? Ну же, Феклуша, отвечай ей. Это очень милая дама!

Феклуша. Что же ей отвечать, чудак вы, Генрих

Эдуардович! Нанять извозчика, вот вам и все. Еще отвечать!

Тиле (*в восторге*). Вот это молодец! Это молодец!

Оба смеются. Женщина, подумав, вторит им.

Женщина. Вы пьяные? Отчего вы стоите над каналом? А я озябла, домой иду. Который теперь час?

Феклуша. Счастливые часов не наблюдают⁷. Генрих Эдуардович, что я сказал: счастливые часов не наблюдают!

Хохочет; Тиле также, похлопывает его по плечу.

Женщина. А если вы такие счастливые, так возьмите меня, – я тоже счастливая, ей-Богу! Меня подружки так и кличут: Женька Счастливая, ей-Богу! Я счастье приношу, которому со мной... меня все фалють. Пойдем, чего ж мы тут стоим, у меня курица на шляпе дождя боится!

Феклуша (*хохочет*). Счастливые часов не наблюдают. Что? А ты что думала, Женичка? Вот я тебе и сказал!

Тиле (*одобрительно*). Но, но, Феклуша, ты очень

⁷ *Счастливые часов не наблюдают* – ставшая пословицей реплика из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (д. 1, явл. 4).

разошелся. Нам еще нужно спросить прекрасную даму: а какая ваша цена? Сколько стоит?

Женщина. Ну, какая там цена, глупости выговорите. Пойдемте, вот и все.

Тиле. Феклуша! Это ее Генрих Тиле спрашивал: а какая ваша цена? Сколько стоит? Он всегда боялся, что дорого!

Женщина. Ну, какое там дорого.

Тиле (смеется). Ну да – а он боялся! Но мы не боимся и берем вас, Счастливая Женя, теперь мы все счастливые.

Феклуша. Все! Она мне нравится, Генрих Эдуардович, возьмите ее. Женичка, а ты коньячок любишь?

Тиле. Конечно, берем, конечно. И коньячок будет, и горячий пушник будет – идем!

Женщина. А куда вы меня повезете? Я в чужое место боюсь.

Феклуша. Мы добренькие, Женичка, не бойся. Генрих Эдуардович, я ее под руку возьму? Женичка, вашу руку. У-у, какая ручка!

Тиле. Но ты совсем Дон-Жуан! Идем. И я буду ваш покровитель, идите же, милые дети, я за вами!

Идут. Генрих Тиле сзади.

Женщина. А куда мы?

Феклуша. Ты любишь меня, Женичка? Я добрый...

Набережная пуста. Туман. Ночь.

Занавес

Картина вторая

Продолжение той же ночи.

Когда, после быстрой смены, поднимается занавес, – глаз видит все ту же неподвижную, мертвую, незаконченную комнату с белыми пятнами все той же пустоты. Но освещена комната ярко, и на столе коньяк и фрукты, и за столом сидят и пьют: Тиле, Феклуша и Счастливая Женя. Выпито уже много, на столе беспорядок. Пьяный Феклуша без пиджака, в грязной рубашке и рваном жилете. У женщины небрежно полурасстегнут ворот. Но на голове все та же большая шляпа с мокрыми перьями. Тиле угощает.

Тиле. Выпейте еще рюмочку, Женя, я вас прошу. И скушайте вот эту грушу.

Женщина. Мерси, мне даже неловко. Сами угощаете, а сами ничего не пьете!

Тиле. Нет, я тоже пью. Прощу вас, за ваше здоровье, Счастливая Женя!

Феклуша. И я!

Женщина. Я буду пьяная. – Ну – за здоровье того, кто любит кого!

Пьют.

Лимончика пососать. А вы сколько же за квартиру платите?

Тиле. Тысячу двести.

Женщина. С швейцаром?

Тиле. О да! С швейцаром!

Женщина. Это недорого. И место у вас хорошее. Ну – что? Что ты меня дергаешь?

Феклуша. Женька, сними шляпу!

Тиле. Но, Феклуша, фи! Ты невежлив с дамой, ты должен ухаживать за ней, а не дергать. Фи!

Феклуша. Пусть она снимет шляпу, скажите ей. Женька, сними шляпу!..

Женщина. Вот далась ему эта шляпа! Пусть сохнет, говорю, на голове скорей просохнет, новой-то ты мне не купишь.

Тиле. И дергать за волосы!

Женщина. Он не больно. А тут такой серьезный разговор, а он заладил... Это недорого, тысячу двести, очень даже недорого. Но только комнат вы напрасно не сдаете, зачем им пустыми стоять. Стоят пустыми... ах, вы уже опять налили, скорый какой!

Тиле. За ваше здоровье.

Женщина. Мое здоровье как маслице коровье. Нет, ей-Богу, стоят пустыми. И хорошие комнаты, всякий

возьмет, мало ли надо кому, а то стоят пустыми. Наклейте на парадном билетик зелененький: сдаются две комнаты...

Тиле. И притом с окнами на солнце: это очень важно.

Женщина. Ну, и с окнами на солнце, отчего же? Напишите и наклейте, швейцар и наклеит, вам и трудиться не надо. Вы кухарку держите или в ресторане обедаете?

Тиле. В ресторане. С кухаркой, знаете, столько неприятностей...

Женщина. Какая еще попадется, ну еще бы! И до чего вы, мужчины, жить не умеете, даже смешно смотреть на вас!

Тиле. Еще рюмочку.

Женщина. Мерси, уж не много ли будет! Лимончика пососать. Ты опять? Ах, какой же ты неотвязный – ну что тебе?

Феклуша. Ты со мной пришла, а не с ним. Велите ей, Генрих Эдуардович!

Тиле и женщина смеются.

Женщина. Да с тобой же, с тобой, а то с кем же! Ну, давай губки, я тебя поцелую, не сердись.

Феклуша. Не хочу. Ты меня должна любить, слы-

шишь?

Тиле. Он ревнует. Александров, неужели ты ревнуешь?

Женщина. Так ты еще и ревнивый, скажите пожалуйста! Ах ты егоза!

Тиле. Он очень ревнивый зайчик!

Женщина. О? Ах ты дурачок, Феклушенька. Гляди, вот и товарищ над тобой смеется, думает: какой глупый, а еще борода как у козла. У-у, ты, козлик!

Треплет Феклушу за бороду, тот счастливо хохочет.

Феклуша. Пусти! Женька!..

Женщина. А вот и не пущу. Ты будешь меня ревновать? Ты будешь меня ревновать? – зайчишка ты этакий. Вот и пошутила немножко, а теперь можно я выпить. Пей, Феклушенька!

Тиле. Она тебя любит, Александров.

Женщина. Конечно, люблю, он веселый. Ну, – эка разиня, что же ты на скатерть льешь? Ты лить будешь, а за тебя потом скатерть стирать надо, ты осторожней будь, нехорошо. Налили мы тут у вас, извините.

Тиле. Пожалуйста, это ничего. Скушайте эту грушу, прошу вас. Отчего ты не кушаешь, Феклуша? Кушай.

Феклуша. Я кушаю. Он очень добрый, Женя, он

очень добрый, да?

Женщина. Они нас угощают, а сами и не пьют.

Тиле. Ну что вы!

Феклуша. Я вас очень люблю, Генрих Эдуардович. Я его очень люблю, Женька, он добрый, я его хорошо знаю. Он говорит: Александров! – а я тут как тут. От него не убежишь. Нет...

Женщина. Ох, спина что-то заболела сидеть. Возможно, я на диванчик сяду, где помягче?

Феклуша. И я!

Тиле. Конечно, я прошу вас! Александров, что же ты не помогаешь даме?

Женщина (*пьяно смеется*). А то я сейчас посуду прибирать начну. Ей-Богу, какая глупая! Другие что, а я, как напьюсь, так сейчас тарелки мыть, ножи, вилки прибирать! Умора! Намою мало, а набью – наколочу целую гору.

Тиле. Если это доставит вам удовольствие...

Женщина. Ну что вы, я еще не пьяна. Ох, хорошо! (*Садится на диванчик.*) А что ж, зайчишка, садись, я тебе сказочку скажу. Жил-был зайчик, длинные ушки до самой макушки...

Щекочет ладонь Феклуши, тот смеется и отнимает руку. Тиле издали смотрит на них, его молчание кажется им его отсутствием.

Феклуша. Ты меня любишь, Женичка?

Женщина. Да люблю, люблю, а то что же делаю?

Жил-был зайчик...

Феклуша. Ты озябла?

Женщина. Теперь согрелась, а то совсем скисла.

Погоди, я шляпку-то сниму. Надоела, ну ее к черту!

Перья тоже! Я, миленький, с пяти часов мостовую-то

граница, тут и ты скиснешь!

Феклуша *(смеется)*. А у меня пятеро детей, и жена

опять беременна. Ей-Богу!

Женщина *(также смеясь)*. Ах ты заяц! Да на что ж

тебе столько? У меня один был, да и того в помойку

бросила, а ты – пять! Девочки?

Феклуша. Три девочки, и мальчик, еще умер, Саша.

Сколько это всего будет?

Женщина. Ну, конечно, девочки, эка добро. А у ме-

ня мальчик был, плюгавенький, недоносок...

Феклуша. Нет, ты сосчитай!

Женщина. Да зачем считать, чудак человек? Какой

счетчик нашелся, своих детей по пальцам считаем.

Брось!

Феклуша. Нет, ты это напрасно, Женя. Считать все-

гда нужно, а то забудешь. Погоди, я его спрошу... Ген-

рих Эдуардович, сколько у меня детей, а?

Тиле закрыл глаза в молчит.

Женщина. Задремал, кажется, тише ты! Пусть поспит.

Феклуша. А ты его не боишься?

Женщина. Чего же мне его бояться? Это вы невежливы, а они очень вежливы, они мне очень нравятся. Тише, пусть поспит.

Феклуша. Вот он умеет считать, так считает!.. У него – миллион!

Женщина. Да что ты!

Феклуша (*смеется*). Я нарочно, я тоже хитрый. Он думал, что я прячусь, а я... Он умный, а тоже дурак большой, дурак.

Женщина. Поумнее тебя. Ты-то умен, я погляжу?

Феклуша. Я его обошел. (*Смеется.*) Он думал, что я прячусь, а я каждую ночь под окнами его стоял. Я все следы его обнюхал, от меня не убежишь, нет!

Женщина. Не кричи.

Феклуша. Я не кричу. Александров! – Ты у меня узнаешь Александрова, ты у меня запищишь. Я и плакать могу, я и плясать могу, если захочу, вот я какой. Вот возьму, руки на себя и наложу, тогда ищи Александрова. (*В нос.*) Александров!..

Женщина. Мели, Емеля, твоя неделя.

Феклуша. Нет, не Емеля, а ты мне не смеешь так,

я тебе в морду дам!

Женщина. Какой сердитый зайчишка.

Феклуша. Нет, я не зайчишка. Я человек. Это он меня зайцем сделал, а я человек, у меня только способностей нет, а я человек. Во мне сердце бьется, я в Бога верую, а он нет. Какое он имеет право? *(Плачет.)* Я больше не могу.

Женщина. Ну вот! Чего не можешь-то?

Феклуша *(плачет)*. Не могу я больше!..

Женщина. Перестань, надоело. А то засну, слышишь?

Феклуша. Поцелуй меня.

Женщина. То плакать, а то целуй его. На.

Феклуша. Не хочу. У тебя нос кривой: зачем ты пришла с кривым носом? Пошла вон отсюда!

Женщина. Сам пошел вон. Скажите! Не ты меня привел, ты и уходи. Зайчишка поганый!

Феклуша. Женька!..

Тиле *(громко)*. Александров! Еще коньячку хочешь? Но, но – не драться, Александров! И не заманиваться!

Феклуша. Я не дерусь. Это она...

Тиле. Поссорились немножко? Это ничего, это пройдет. Выпейте коньячку, Счастливая Женя...

Феклуша *(смеётся)*. У нее Нос кривой, Генрих Эдуардович. Ее черт к нам принес!

Женщина. А тебя кто? *(Сердито надевает шляпу.)*

Тиле. Ай, как не стыдно, Александров: ты обижаешь нашу гостью! Нет, нехорошо, Феклуша, – какой же ты мужчина?

Феклуша *(смеется)*. Ее черт принес!

Тиле. Ну так ты должен его благодарить, Феклуша, а не сердиться. Если бы черт принес мне такую женщину, я бы сказал ему спасибо! И пожал бы его волосатую честную руку *(хохочет)*, – о да: это была бы честная рука! Или ты думаешь, что у черта не может быть честной руки? Как вы думаете, Женя?

Женщина. И черти бывают разные, не одни люди.

Тиле *(торжественно)*. Ты слышишь, Александров, глупец? Пей, освежи твой дурные мозги. Пейте, Женя, пейте больше, пейте скорее: скоро запоет петух! Моя ночь проходит, а я еще не видел ни одного моего сна. Пейте скорее, глотайте огонь! Вот я, Генирих Тиле, глотаю огонь. Смотрите: ейн, цвей, дрей! *(Залпом выпивает большой стакан коньяку.)*

Феклуша. И я! Смотрите, Генрих Эдуардович, и я!

Выпивает рюмку и кашляет; женщина, смеясь, колотит его по спине.

Женщина. И ты тоже!

Тиле. И он тоже! И все мы! Пейте скорее, я прошу

вас, мои дорогие гости, я очень прошу вас: пейте скорее. Ночь идет быстро, но мы должны быть еще быстрее: понесемся как бешеные кони. Ты умеешь ржать, Феклуша?

Феклуша. Умею. Который час? Мне завтра на службу.

Тиле. Какая служба? Ты с ума сошел, Александров, – про какую службу ты говоришь? Ты забыл, Феклуша, старый товарищ, ты забыл – но ты служишь у меня!

Феклуша. Поплыл Феклуша! *(Пьет.)* Женя, пей!

Женщина. И то пью. *(Смеется.)* Вот погнали как на пожар.

Пьют, громко чокаясь.

Тиле. Женя, поцелуйте Феклушу. Феклуша, поцелуйте Женю.

Женщина. И пить и целоваться...

Тиле. Скорее. Я хочу видеть, как влюбленный мужчина целует влюбленную женщину: подумайте, что я этого никогда не видал. Ну?

Феклуша. Ну?

Женщина *(целуя и смеясь)*. Вот. Прямо: Христос воскрес!

Тиле. Нет, еще крепче, еще горячее! Ага. Так!

Женщина (*смеясь*). Тоже чудак, не видал, как делается. Теперь мы с тобой, зайчик, как муж и жена: три раза почеломкались. Что, еще захотел? Ну, целуй уж, только усы вытри.

Феклуша. Я тебя люблю.

Тиле. Хорошо? О, я знаю еще одну штуку: сейчас мы все будем смеяться. Погодите, я одну минуту, одну минуту! (*Быстро выходит в спальню.*)

Женщина. Пьяна я, зайченька, вся комната перед глазами пляшет. (*Смеется.*) Что это он еще придумал, льстивый какой!

Феклуша. Поцелуй меня еще. У меня тоже все пляшет – смешно!

Женщина. Нет, будет. Дай я лучше тебя по голове поглажу... и волосики-то какие реденькие у зайчика, вороны ему выщипали. Тебе вороны выщипали, зайчик?

Феклуша. Вороны.

Слегка измененной походкой входит загримированный Генрих Тиле. На нем белокурый парик с плешью, широкая рыжая борода; щеки наскоро густо на-румянены. Останавливается и молча смотрит на удивленных женщину и Феклушу.

Женщина. Это кто? Послушайте!..

Феклуша. Позвольте, здесь никого нет... Кто это? Что вы смотрите? *(Испуганно зовет.)* Генрих Эдуардович, тут кто-то...

Тиле торжествующе хохочет.

Тиле *(коверкая слова)*. Позвольте узнать, Генрих Тиле дома или уже убежал? Я англичанин, сэр Эдуард Томсон. Я рыжий.

Феклуша. Неужели?.. Генрих Эдуардович! У меня даже хмель соскочил, ей-Богу! Кто это, думаю, даже испугался! Да неужели?

Хохочет. Тиле и женщина тоже.

Тиле. Не узнал, Феклуша?

Феклуша. Да разве можно узнать? Ну и фигура, вот фигура, и борода рыжая! *(Хохочет.)*

Женщина. И еще плешивый, Господи! А плешь-то на что?

Тиле. Смотрите. *(Измененной походкой под англичанина ходит по комнате, показываясь.)*

Феклуша. Чудеса, совсем другой человек. Ничего не понимаю, с ума сошел. Да вы ли это, Генрих Эдуардович?

Тиле. Я. Я могу другую походку, я могу другой го-

лос и все другое. Каждую ночь я надеваю это платье, смотрю в зеркало и хожу по комнате один. Я учусь, Александров, – теперь ты понял меня, глупец?

Феклуша. Вот это чудеса, это настоящее. Женька, ты видишь? Ему руку поцеловать мало, вот что я скажу!

Тиле (*измененным голосом*). Не хотите ли музыку, почтеннейший господин Александров, и вы, прекрасная дама? Я музыкант, к вашим услугам.

Феклуша. Хочу, давайте. Женя, музыка!

Тиле. Я знаменитый музыкант. Слушайте, Феклуша, вот я сыграю вам «Собачий вальс». Слушайте! (*Садится и с обычной чопорной манерой, подчеркивая ее, играет «Собачий вальс»; объясняет.*) Это собачки танцуют. Маленькие, хорошенькие собачки! Ти-та-та!..

Феклуша. Собачки... ну, ну?!

Тиле. Так. Так. Их дергают за ниточку, им показывают кусочек сахара... та-та-ти-ти... А они поднимают ножку – так! Так! И танцуют – маленькие, глупенькие собачки. Так! Так!

Феклуша. И еще! Ну, пожалуйста, разочек!

Женщина. Еще! Еще!

Тиле. Нет. Довольно. (*Быстро отходит от рояля; яростно смотрит на женщину и Феклушу и топает ногой.*) Кто я?? О глупцы! Мне будут играть луч-

шие музыканты в мире, а я стану ногой, я раздавлю ногой их глупую скрипку и скажу: довольно! Я ногой стою на вашей глупой музыке – довольно! Прекраснейшие женщины упадут к моим ногам, и они будут целовать грязь моих подошв, а я стану ногой на голую прекрасную грудь и скажу: довольно! И она раздавлена, но она еще целует разбитыми губами: довольно! – крикну я. Довольно, глупая, ничтожная, недостойная... тварь!.. *(С силой ударяет по роялю.)*

Женщина. Ой, не надо! Лучше музыку.

Феклуша. Не надо, Генрих Эдуардович. Я боюсь! Лучше музыку, собачек. Пусть опять собачки...

Тиле. Собачки?

Феклуша. Да!

Женщина. Собачки!

Феклуша. Да! *(Смеется счастливо.)* Как их за ничтожку, а они ножкой, ножкой. Мне хочется! *(Сучит ногами.)*

Тиле. Ножкой?

Феклуша. Да! Мне хочется!

Тиле. Да, да! *(Смеется.)* Ему хочется, ему хочется... Пусть будут собачки.

Женщина и Феклуша *(просят).* Собачки!..

Тиле *(садясь за рояль, измененным голосом).* Слушайте! Я знаменитый музыкант, и вот я играю вам знаменитый «Собачий вальс». Танцуйте.

Играет «Собачий вальс». Феклуша, подняв обе руки и подражая танцующей собаке, плавно кружится на носках, танцует. Лицо его серьезно и благоговейно. К нему присоединяется женщина: подняв обе руки, кружится плавно, как во сне; и лицо ее также серьезно и внимательно. Обернув к ним рыжую голову и накрашенные щеки, широко показывая белые зубы, смотрит на них, хохочет и играет Генрих Тиле.

Занавес

Действие четвертое

Та же обстановка. Вечер. В комнате трое: Елизавета, Карл и Феклуша.

Елизавета. Я хотела бы посмотреть другие комнаты. Это удобно, я не знаю.

Карл. Отчего же неудобно? Смотри, если это доставляет тебе удовольствие. А господина Феклуши можешь не стесняться, мы теперь с господином Феклушей друзья. Но как я потолстел, Лиза, – ты замечаешь?

Елизавета. Да.

Карл. Даже неприлично. За последнюю неделю опять прибавил полфунта, и это несмотря на гимнастику и верховую езду. Надо будет взять массажиста. Господин Феклуша, вы что делаете, чтобы быть таким тощим – вы скоро станете похожим на факира!

Феклуша. Что? Да, я похудел.

Карл. Похудел! Сколько вы весите?

Феклуша. Что? Не знаю, Карл Эдуардович, никогда не взвешивался.

Карл. Лиза, – правда, что наш друг, господин Феклуша, похож на сумасшедшего, который удрал от надзирателя? Но что же ты не идешь, Лиза, посмотреть? Иди,

а мы здесь поболтаем. Что ты смотришь?

Елизавета. Карл, – неужели уже прошло полтора года, как мы с тобой здесь были? Смотри: те же ноты.

Карл. Да, Генрих консервативен. Вероятно, прошло, я, право, не знаю. И вообще, Лиза, я не понимаю прелести душу раздирающих воспоминаний, в этом отношении я европеец. Вот русские: те всегда не живут, а что-то вспоминают; и о чем бы они ни говорили или ни писали, это всегда похоже на воспоминание.

Елизавета. А Генрих?

Карл. Генрих? В конце концов, я плохо знаю брата моего Генриха... впрочем, уверен, что, если он придет сейчас, он выгонит и меня, и тебя – несмотря на прелесть воспоминаний. Поторопись, душечка.

Феклуша. Они еще не скоро придут. Я их привычки знаю.

Карл. Тем лучше, я вовсе не желаю ссориться с Генрихом.

Елизавета. У меня уже умер муж, умер ребенок, а здесь все то же. Вот здесь будет голова Бетховена: когда же она будет? Карл, я пойду в те комнаты. Я скоро.

Карл. Иди. Выключатели у дверей, их легко найти. Иди, душечка. – Господин Феклуша, сядьте-ка ко мне поближе.

Елизавета ушла, Феклуша садится возле Карла.

Итак, господин Феклуша? Но почему от вас так пахнет кислым пивом – вы всегда что-нибудь выдумаете? И вы больны или пьяны: что вы так таращитесь на меня? Ну-с?

Феклуша. Готово.

Карл. Что готово?

Феклуша. Застраховал. В сто тысяч, как было сказано.

Карл (*приподнимаясь*). Так. А полис где, у брата?

Феклуша. Полис скоро будет. На днях обещал. Я вам верно говорю, Карл Эдуардович.

Карл. Так. (*Ходит.*) Нет! Нет. Вы лжете, господин Феклуша, вы лжете, я это вижу! Вы совершенно невыносимый дурак, Александров, – зачем вы лжете? Станный человек, который не понимает прямой своей выгоды и еще лжет. Или вам жалко того коньяку, который вы пьете с братом Генрихом? Но вы уже совсем спились, вас теперь же необходимо в лечебницу, у вас глаза как у собаки, когда у нее начинается бешенство. Мы, Тиле, можем пить очень много, у нас прекрасная наследственность, но вам я бы не посоветовал!

Феклуша. Я уже месяц ничего не пью. Достаточно!

Карл. Это звучит довольно сильно для Феклуши, но тогда отчего же у вас такие полоумные глаза? И что

вам нравится в брате Генрихе? Он тренирует вас как шельму. Или вам его жаль, у вас человеческие чувства, господин Феклуша?

Феклуша. Да и жаль – отчего же не жалеть?

Карл. Фи, Александров! Бросьте! Даже неловко слушать. Наконец скажу вам откровенно; я немного медик и предсказываю вам, что через год никакое общество не возьмет Генриха на страх. В нем есть некоторые признаки, понимаете, которые мне не совсем нравятся, я боюсь за него.

Феклуша. Через неделю... через две недели будет полис.

Карл. Прикажете верить?

Феклуша. Будет.

Карл. И имейте в виду, господин Феклуша, что я лично не особенно заинтересован. Живется мне вообще не дурно, а вскоре – это пока секрет – я, вероятно, женюсь на Елизавете. А вы знаете, сколько у меня денег? – ну, то-то. А записочку вы, вероятно, также не приготовили – с вами невозможно иметь дело, Александров!

Феклуша. Нет, записочку приготовил. Вот.

Карл (*читает*). «Прошу никого не винить в моей смерти. Завещания нет. Слуге Ивану выдать пятьсот рублей. Генрих Тиле». Так. Это вы сами придумали пятьсот рублей Ивану?

Феклуша. Сам.

Карл. Нет – но вы гениальный мошенник, Феклуша: беру обратно все, что когда-нибудь говорил вам неприятного. И я знаю почерк Генриха – это шедевр. Изумительно. И бумага его!

Феклуша. Его, из стола. Давайте записочку.

Карл. Вам сколько лет, Феклуша, – сорок? Так я должен сказать вам, Феклуша, что вы сорок лет были болваном! Такой талант зарывать в землю! Непроходимо глупо, господин Феклуша! – с таким умением подделывать почерки вы давно могли бы составить состояние.

Феклуша. Давайте записочку.

Карл (*прячет записочку в бумажник*). А вот это уже нет, шалости. Покажете полис, тогда получите и ваше произведение: тогда оно будет в надежных руках. Компренэ, господин Феклуша?

Феклуша (*колеблется*). Ну, хорошо. Вы тоже очень большой мошенник, Карл Эдуардович.

Карл (*равнодушно*). Так себе. Надо же как-нибудь жить, Феклуша, на улице деньги не валяются. Дайте мне миллион и тогда требуйте честности, а ездить на извозчике, пока вы будете катать в автомобилях – слуга покорный. Но бойтесь одного, Феклуша, – жадности: вот что губит нашего брата... А вот и Лизочка. Ну как, Лизетт, пролила слезу?

Елизавета. Карл, это ужасно.

Карл. Что такое, Лизетт? Привидения?

Елизавета. Не смейся. Одна комната оклеена обоями только наполовину, сор, известка, паутина: что это за комната? Я забыла, что он говорил тогда... что это за страшная комната?

Карл. Не знаю, у Генриха много нелепых фантазий. Кажется, детская... *(Смеется.)* Для твоих неродившихся детей, Лизетт!

Феклуша. Да, детская. Генрих Эдуардович тогда сгоряча не велели ее трогать, да так и забыли, должно быть.

Елизавета. Выйди отсюда, Карл, и попроси с собою Александрова, я хочу остаться одна. Тебе не трудно?

Карл. Нисколько. Пойдемте-ка, господин Феклуша, поболтаем. Вы сегодня очаровательны, как невеста, Феклуша, я в вас влюблен. Тогда позови, Лиза.

Выходят. Елизавета одна, держит в руках кружевной носовой платок. В ушах большие бриллианты.

Елизавета. Как это странно: уже три года прошло, умерли и похоронены муж и ребенок, а здесь все то же, и квартира ждет меня. Кто же я? Я – Лиза. Нарочно, я только что приехала из Москвы... тогда приеха-

ла и пришла к Генриху, а его нет дома, и я жду. Тогда я могла входить прямо и ждать. Генрих, я жду тебя!

Молчание.

Генрих, я жду тебя.

Молчание. Елизавета плачет.

Я люблю тебя, Генрих! Я рада целовать стол, за которым ты сидишь, целовать пол, по которому ты ходишь, целовать комнату, в которой я сама не захотела жить. Сама? Не знаю. А кто же, если не я сама? Я люблю тебя, Генрих. Клянусь Всемогущим Богом, я люблю тебя, Генрих, и никого не любила, кроме тебя, и никого не звала, кроме тебя! Ты сильный, и ты не прощаешь: ты выгнал меня вон, когда я постучалась в твою дверь: пойдя прочь, сказал ты. Пойди прочь, недостойная Елизавета! – сказал ты и закрыл дверь. И я ушла. Я люблю тебя, Генрих. *(Плачет.)* Отчего же ты так печален, Генрих, если ты не любишь меня? Вчера ты шел по набережной и думал, что ты один, а я ехала в карете и тихонько смотрела на тебя в окно: ты был так печален! И я влюбилась в тебя, как девочка, а ты думал, что ты один – шел печально и не видел никого. Может быть, ты тоже плакал, Генрих?

Может быть, ты также думал о неродившихся детях? О, какое ужасное слово: неродившиеся дети! Кто не родился? Кто не увидел света? Кого здесь ждали и кто не пришел? Кто не родился? Кто не пришел? Генрих! Генрих!

Молчание.

Боже, сотвори так, чтоб душа моя осталась здесь, чтобы она сделалась воздухом, который обнимет его! Он придет, печальный, – и вдруг ему станет тепло, он улыбнется и скажет: отчего так хорошо в этой комнате? Как хорошо! Кто целует меня? Это ты, Лиза? Это ты, Лиза?.. *(Плачет.)* Твоя мама, которая умерла давно и не может проклясть меня, потому что умерла давно, учила тебя играть; ты был маленький, и она сама переставляла твои пальчики – тогда у тебя были маленькие пальчики. Потом ты играл мне, – я сидела вот здесь, а ты играл, и ты хотел, чтобы я смеялась, а мне вдруг стало так печально и страшно – я вдруг возненавидела тебя и твою квартиру – возненавидела твою маму – мне стало печально и страшно! Тогда я ничего не понимала, я уехала в Москву, а теперь я знаю: ты играл о неродившихся детях, твой смех был печалью – Генрих, зачем ты играл мне? Кто не родился? Кто не увидел света? Кого здесь ждали – ждали – ждали

– и кто не пришел? Генрих! *(Плачет.)* Я люблю тебя, Генрих! *(Плачет. Становится на колени и опускает голову на клавиши рояля. Встает, оправляет волосы и лоб, как бы стирая что-то с лица; зовет:)* Карл!

Входят Феклуша и Карл.

Карл. Что, уже домой? Пора. Черт знает, что такое, Лиза: только сейчас я хвастал Феклуше своим здоровьем – и вдруг в сердце пренеприятнейший перебой! Как ты думаешь, это не может быть пороком сердца?

Елизавета. Не думаю. Едем же. До свидания, Александров.

Карл. Да и я не думаю, чтобы порок, но ужасно неприятно. Нет, к черту все, завтра же за массаж! Прощайте, Феклуша, и, пожалуйста, эти дни не тревожьте меня, я буду отдыхать, а через недельку заходите. Или лучше я вам сам напишу, когда прийти...

Елизавета. Идем же, Карл!

Карл. Да подожди ты! Я по два часа тебя жду, можешь же и ты подождать меня одну минуту! – Так помните же, Александров, я сам напишу, когда зайти. Только чтобы все было готово: понимаете? Пора перестать быть таким глупцом, у вас дети. Ну... идем. Недостает теперь еще Генриха встретить: черт побери твои фантазии, Лиза!

Выходят.

Феклуша (*говорит в прихожую*). Дверь закрывается сама, Карл Эдуардович.

Голос Карла. Я знаю. Прощайте.

Феклуша. Прощайте. (*Феклуша один. Садится у стала, вынимает из кармана конверт и из него аккуратно сложенную бумажку, читает:*) «Прошу никого не винить в моей смерти. Завещания нет. Слуге Ивану прошу выдать пятьсот рублей. Генрих Тиле». Так, превосходно-с. Он думает, что у меня одна записочка, а у меня две: дурак Карлуша. Жаден, а дурак. И не заметил, что на той числа нет, а этот не может числа не поставить – дурак Карлуша. И «эр» там написано с отличкой от его почерка, тоже не видал от жадности. Вот такие-то попадают, дураки – правду этот говорит. (*Подходит к зеркалу, вынимает гребешочек и причесывается, стряхивая волосы.*) Лезут, проклятые! Должно быть, чахотка – холодно и потею... ну, так я ж тебе покажу мою чахотку! (*Ходит по комнате, презрительно разглядывая вещи.*) Я тебе покажу! (*Пробует открыть запертый стол, перебирает бумаги, презрительно отшвыривая их.*) Порядок! Мошенники! Я тебе покажу твой порядок! (*Садится у стола и размахивает руками.*) А хорошо бы под Ни-

колаевский мост мину подложить и взорвать – чтобы все полетели к чертовой матери. Да. А можно и под весь город мину подложить, в десять тысяч пудов... тогда и сам полетишь к черту. Нет, отчего же сам? Провод можно сделать до Шувалова и кнопку где-нибудь на дереве, в лесочке: нажал раз – вот все и полетели к черту. А придется-таки мне в сумасшедший дом: вертелся, вертелся, а теперь не отверчусь. Нет! Шалишь! *(Задумывается.)* Бить там будут, здорово бьют там, говорят, ребра ломают – вот это неприятно. И стол, говорят, плохой: сумасшедший-то не понимает, а жаловаться начнет, сейчас ему ребро пополам: не ври! Сумасшедший никаких прав не имеет, вот это несправедливо, куда закон смотрит. Конечно, можно и тихо сидеть, тогда тебя никто не тронет, да и сторожа тихих любят: тоже небойсь немало намучились ребятки. Ох, не мало! Ну, да: тихо!.. *(Встает и начинает ходить все быстрее.)* Хорошо говорить тебе? тихо. Да. Тебе хорошо, а мне нехорошо. Да. А мне нехорошо... *(Кружится бестолково по комнате, невнятно бормочет, не замечает вошедшего Генриха Тиле.)*

Тиле. Здравствуй, Феклуша.

Феклуша. Что? Что?

Тиле. Я говорю: здравствуй. Ты что бегаешь?

Феклуша. Я-то? Ничего. Здравствуйте, Генрих Эдуардович.

Тиле. Бормочешь что-то. Ты здоров?

Феклуша (*смеется*). Разве бормотал? Не с кем поговорить, так я с собою рассуждаю. Товарища себе нашел, такой же умный, как и я.

Тиле. О чем рассуждаешь?

Феклуша. Кому мои глупости интересны! Так, о житейском. Дождь на дворе?

Тиле. Дождь. (*Устало садится.*)

Феклуша. Генрих Эдуардович, а Иван ушел. Говорит, что вы сегодня его отпустили?

Тиле. Да, я его отпустил. Сядь, пожалуйста, и помолчи.

Молчание.

Феклуша. Что это, Генрих Эдуардович, у вас такой вид исхудалый, вы не больны ли? К доктору бы сходили.

Тиле. Нет, я здоров. Вероятно, устал сегодня на собрании, много говорить пришлось о делах. О делах, Феклуша. Спорил с глупцами и устал. Ты надолго ко мне?

Феклуша. Нет, на минутку, я сейчас.

Молчание.

Тиле. Жаль, что камина у меня нет. Все обдумал, а камин позабыл... правда, квартира с отоплением. Ну?!

Феклуша. Генрих Эдуардович!.. В ваших планах произошла перемена. Хоть вы поклянитесь мне...

Тиле. Да? Постой: откуда здесь пахнет духами? Да, пахнет. Уж не стал ли ты душиться, Александров?

Феклуша. Вы уж выдумаете! Никаких духов я не слышу.

Тиле. Нет, пахнет. Впрочем, это не важно. Что же ты Желаете сказать мне? – говори.

Феклуша. Я уже сказал. В ваших планах произошла перемена – скажите правду, Генрих Эдуардович, на колени перед вами стану, пять лет в церкви уж не был, а теперь в церковь пойду, молиться за вас буду. Скажите правду!

Тиле. Очень ты любишь становиться на колени, Александров. Какую правду? Я сегодня устал.

Феклуша. Ну... голубчик, ну, миленький! Товарищами ведь были, вспомните, как маленькие были, как в Петершуде учились... Скажите! Отпустите мою душу, не могу я больше! *(Плачет.)*

Тиле. Ты тоже плачешь? Странно. Сегодня я почему-то вижу очень много слез. Сегодня я был на вокзале...

Феклуша *(вздыхая после плача и вытирая глаза)*

грязным платком). Зачем на вокзале?

Тиле. Поезда смотрел... нет, письмо отправлял. И вот я увидел старую женщину в платке, которая шла по перрону, и была совсем одна, и плакала при всех. Странно... *(Задумывается.)*

Феклуша. На улице редко кто плачет: разве только пьян или родственника хоронит. – Генрих Эдуардович, внемлите, а то... опять заплачу!

Тиле. Да? Не надо. Нет, в моем плане существенной перемены не произошло. И уже с завтрашнего дня для тебя наступает спокойствие: завтра я уезжаю.

Феклуша *(краснея)*. Завтра? По какой карте?

Тиле. Тсс!.. Сейчас мне трудно говорить с тобой, Феклуша, старый товарищ, но завтра ты еще зайдешь ко мне и все узнаешь. *(Усмехаясь.)* Но только не вздумай гнаться за мной – не догонишь!

Феклуша. Ну, что это вы!..

Тиле. Да, да, ты хитрый зверек!

Феклуша. Дураку и хитрость не помогает, только себя и обманешь. Пораньше утром зайти, до службы?

Тиле. Можно и пораньше. Теперь же иди домой и спи спокойно, Феклуша, старый товарищ. Дети твои здоровы?

Феклуша. Что им делается, здоровы, должно быть. Отчего вы коньяк бросили пить, Генрих Эдуардович, у вас даже лицо потемнело?

Тиле. Не хочется. Иди.

Феклуша. Сегодня ровно месяц, как мы последний раз пили коньячок... Помните, как вы называли коньячок? Ну, пойду, не буду вам мешать. *(Тихо.)* А деньги спрятаны?

Тиле. Тсс! Молчи. Спокойной ночи, Феклуша, иди. Ты в калошах: идет сильный дождь. Прощай, до завтра.

Феклуша. А если до завтра, так, значит, не прощай, а до свиданья. До свиданья, Генрих Эдуардович. Спокойной ночи... и уж скажу вам: хорошо вы делаете, что эту квартиру бросаете! Тогда я молчал, а теперь можно сказать: бросайте вы ее поскорее! Если в ней одному час пробыть, так с ума сойдешь, ей-Богу!

Тиле. Да, я бросаю. Прощай.

Феклуша. Прощайте. – Можно мне еще сказать? Всех людей я понимаю и могу с лица угадывать, кто к чему склонен, а вот смотрю я на вас... строги вы очень! *(Тише.)* И не знай бы я ваших мыслей...

Тиле. Тсс!..

Феклуша *(с внезапной яростью)*. Нечего цыкать, мы люди свои! Эка! Я и сам так цыкну!..

Молчание.

Извините, Генрих Эдуардович! *(Идет.)*

Тиле. Дверь запирается сама.

Феклуша. Я знаю, Генрих Эдуардович. *(Идет, Тиле смотрит ему везд, вдруг останавливается.)*

Тиле. Постой. Идет сильный дождь, вот тебе на извозчика. Бери же.

Феклуша. Спасибо... Ну, и зачем так много? Мне совестно, ей-Богу!

Тиле. Нечего, нечего, иди.

У двери Феклуша останавливается и смотрит на свою ладонь.

Феклуша. Генрих Эдуардович!.. Смотрю я себе на руку и думаю: дали вы мне двадцать пять рублей – а отчего я не радуюсь? Конечно, деньги уж не такие большие, а все-таки, будь это прежде, я бы колесом ходил. А сейчас смотрю и... или это после слез так кажется? Будто за мои слезы и побольше бы следовало? Или так по расчету выходит? *(Не поднимая глаз.)* Извините.

Выходит. *Слышно, как стучает дверь, закрываясь. Тиле один. Смотрит на часы.*

Тиле. Уже одиннадцать. Надо снять воротничок. *(Снимает воротничок, манжеты, сюртук; все акку-*

ратно складывает на кресло. Ходит по комнате, тяжело и медленно, как налитый чугуном. Пытается протереть стекло, за которым неслышный городской дождь.) Так. Сейчас одиннадцать, а солнце всходит почти в семь – сколько же еще часов будет темнота? Много – не надо цифр, Генрих, Генрих Тиле – просто скажи: много! Много часов, много темноты. Я никогда не думал о, том, что делают люди, когда кончают с жизнью и убивают себя, и теперь мне странно, я не умею себя вести. Может быть, надо сидеть за столом, а я хожу? Надо сделать. *(Садится, но сейчас же встает и снова ходит.)* Нет! Пустяки! Самоубийцы просто не думают о том, надо ли им ходить или сидеть. Вероятно, ходят. Но откуда здесь так пахнет духами – сладкие, странные, печальные духи. Так душатся женщины, которые молоды и хотят любви. Но сердце у них печально... Печальные духи! Печальные женщины, печальная Елизавета – теперь я ее не помню, а когда-то я ее любил, что-то было такое – была печаль. Боже мой! Зачем я говорю: Боже мой? – Боже мой! Я ничего не знаю, я ничего не понимаю, я никого не люблю. Убийца? – Вор, укравший миллион? – Генрих Тиле, любивший точность? – не знаю. Было все – и не было ничего. Зачем я бил по столу кулаком, зачем я кричал? Зачем Генрих Тиле писал цифры, столбцы чисел, бесконечный караван в бесконечной пусты-

не? Было все, и не было ничего. Был странный человек, который метался, кричал, надевал рыжий парик, как клоун, глотал огонь. И был другой странный человек, который ходил в банк, выгонял чиновников, имел строгий вид и назывался – Генрих Тиле. Что за чепуха – Генрих Тиле! И кто будет лежать в гробу: Генрих Тиле или тот? А где буду я? Вот я уже подумал про гроб, белый с кистями. Мне страшно. Неужели все кончено? Мне страшно! Неужели действительно пришло это? Жил, жил и вдруг – *это. Это!* Какой ужас! Нет, какой ужас!

Это.

Нет! Нет! Мне не страшно – о черт! Мне не страшно, – о, берегись обмана, берегись обмана, берегись обмана. Итак, гроб, белый с кистями, а в нем кто-то. Да, конечно: это страшно Генриху Тиле с его цифрами, это страшно тому другому, который хотел украсть, кого-то убивал, кого-то насиловал и надевал рыжий глупый парик злодея. Но где же я? – Боже мой, великая мудрость и любовь, ответьте мне: где же был я с моей великой, печальной и одинокой душой? Меня нет. Нет никого. Нет ничего. Один ужас – и *это.*

Это.

Генрих, Генрих, милый мой, держи себя крепко. Ты умел бить кулаком по столу, теперь держи себя крепко. Так. Хорошо! Так.

Мне холодно. Нет, не мне, а здесь холодно. Зачем я снял сюртук, надо надеть. Такие манжеты носил Генрих Тиле. *(Забывает надеть сюртук.)* Но это невыносимо, это пустые комнаты так ужасно действуют на меня – как будто там убийца. В каждой комнате спрятался убийца и ждет. Хорошо бы там зажечь свет, но я боюсь туда войти. А здесь можно, о, здесь можно. *(Зажигает новые лампочки. Светло.)* Теперь светло: но какая странная чужая комната. И теперь еще больше нет никого – так говорится: еще больше нет никого? И опять пахнет духами – кто здесь пахнет духами? Это убийцы пахнут здесь духами? Чтобы черт взял того, кто это выдумал! Надо идти в спальню. *(Открывает ящик стола, вынимает револьвер и деловито рассматривает его; кладет на стол. Про себя:)* Стреляться надо там, где спишь. И с головой закрыться одеялом, как будто спать, тогда не заметишь. Так. Надо что-то еще... что? Я все забыл. Что? Ах да, надо написать записку... Где бумага, бумага, чернила, чернила? Нет. Не надо записки. Это пустяки. Все было – и не было ничего и это.

Это.

Надо идти в спальню. Что я забыл? Боже мой, – зачем я говорю: Боже мой? – Боже мой, я что-то забыл. Что? Ну да, вот это! Вот это! *(Садится к роялю.)* Теперь я сыграю «Собачий вальс». Слушай, Генрих Ти-

ле, – я тебе сыграю в последний раз мой любимый «Собачий вальс». Так мама учила меня играть. *(Играет – сперва громко, потом все тише. К концу, оборвав музыкальную фразу, падает на рояль и беззвучно плачет. Молча и осторожно закрывает крышку рояля, берет со стола револьвер и идет к спальне. Останавливается, говорит неторопливо:)* Что еще? Ах, но что еще? *(С недоумением осматривает комнату.)* Надо... надо – что надо? Надо закрыть свет, да, вот что надо. Будет гореть всю ночь. – Пусть горит. *(Уходит в спальню. Мгновение тишины. Снова выходит из спальни, – уже без жилета – и что-то озабоченно и молча ищет. По-видимому, или забыл, или не находит. Ищет. И не найдя и уже перестав думать о том, что искал, теми же быстрыми шагами уходит в спальню.)*

Комната пуста, нет никого. Глухой и как будто пустой выстрел без эха. Комната пуста. Горит электричество и будет гореть до утра.

Занавес